

«ВЕРА ОПРЕДЕЛЯЕТ МЕТОД»

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА
COMUNIONE E LIBERAZIONE

Римини 2009

«ВЕРА ОПРЕДЕЛЯЕТ МЕТОД»

УПРАЖНЕНИЯ БРАТСТВА
COMUNIONE E LIBERAZIONE

Римини 2009

© 2009 Fraternità di Comunione e Liberazione

Переводчик с итальянского: Екатерина Цыганкова

Редакторы: Елена Фьерамонти, Марина Мананникова, Татьяна Коробейникова

На обложке: Барна да Сиена, *Призвание святого Петра*. Церковь сан Джиминьяно (XIV век).

Ватикан, 20 апреля 2009

Достопочтенному
отцу Хулиану Каррону
Президенту Братства *Comunione e Liberazione*

По случаю Духовных упражнений Братства «*Comunione e Liberazione*» на тему «Вера определяет метод» Святейший Отец направляет многочисленным участникам сердечное и доброе приветствие, уверяя в своей духовной близости и высказывая пожелания, чтобы эта встреча породила обновленную верность Христу навсегда и вовлечение в дело евангелизации с более полной отдачей; призывает обильное излияние небесных благ и от всего сердца посылает Вам, ответственным Братства и всем собравшимся особое апостольское благословение.

Кардинал Тарчизио Бертоне, Государственный секретарь Его Святейшества

Пятница 24 апреля, вечер

При входе и выходе:

Вольфганг Амадей Моцарт, Концерт для фортепиано с оркестром № 23
ля-мажор, KV 488

Wilhelm Kempff – Ferdinand Leitner – Bamberg Symphony Orchestra
Deutsche Grammophon

■ ВВЕДЕНИЕ

Хулиан Каррон. Каждый из нас знает, сколько усилий он приложил, чтобы быть здесь сейчас. Все эти усилия – первое выражение нашего крика, нашей просьбы ко Христу.

Призовем Святого Духа, призовем Его помощь, чтобы Он привел к завершению эту нашу попытку, этот наш крик.

Снизойди, Дух Святой

Добро пожаловать, приветствуем наших друзей, которые подключены к нам через спутниковую связь: 23 страны на прямой связи и потом еще 40, всего 63 страны. Впервые на прямой связи с нами Мальта.

Начну нашу встречу с телеграммы, которую прислал нам Святейший Отец:

«По случаю Духовных упражнений Братства «Comunione e Liberazione» на тему «Вера определяет метод» Святейший Отец направляет многочисленным участникам сердечное и доброе приветствие, уверяя в своей духовной близости и высказывая пожелания, чтобы эта встреча породила обновленную верность Христу навсегда и вовлечение в дело евангелизации с более полной отдачей; призывает обильное излияние небесных благ и от всего сердца посылает Вам, ответственным Братства и всем собравшимся особое апостольское благословение. Кардинал Тарчизио Бертоне, Государственный секретарь».

1. «Обстоятельства, через которые Бог дает нам пройти, есть существенный, а не вторичный фактор нашего призвания, миссии, к которой Он нас призывает. Если христианство есть возвешение того факта, что Тайна воплотилась в человеке, то обстоятельства, в которых чело-

век занимает определенную позицию по отношению к этому факту перед всем миром, важны для самой формы свидетельства»¹.

Все мы прекрасно знаем, что это за обстоятельства, которые были вызовом для нас весь этот год: экономический кризис, землетрясение в Аbruццо, различные проявления страдания, заставившие нас задуматься (особенно дело Элуаны). Мы видели, как на наших глазах рушится мир и его законы, которые больше не могут защищать благо жизни или семьи; мы все больше понимали, что вынуждены жить «без отчизны», переживали драматические обстоятельства в личной и общественной жизни: от болезней до трудностей, до потери работы, если не до потери всего, как это произошло с нашими друзьями из Аbruццо. Поэтому обстоятельства, через которые Бог дает нам пройти, – говорит отец Джуссани, – «есть существенный, а не вторичный фактор нашего призвания». Значит, для нас обстоятельства не являются нейтральными, происходящими без всякого смысла, то есть мы не должны просто перетерпеть, стоически вынести их. Они есть часть нашего призвания, того, каким образом Бог, благая Тайна, призывает нас, бросает нам вызов, воспитывает нас. Для нас обстоятельства имеют всю значимость призыва и поэтому являются частью диалога каждого из нас с присутствующей Тайной.

«Итак, – сказал нам отец Джуссани 15 лет назад, начиная Упражнения Братства в 1994 году, – жизнь – это диалог».

«Она, жизнь, – не трагедия; трагедия – это то, что все вырождает в ничто. Да, жизнь – это драма, она драматична, потому что она есть отношение нашего «я» и «Ты» Бога, нашего «я», которое должно следовать тем шагам, какие указывает Бог»². Именно это Присутствие, это «Ты» изменяет обстоятельство, потому что без этого «Ты» все было бы ничем, все было бы еще одним шагом к мрачной трагедии. Но именно потому, что существует это «Ты», обстоятельство призывает нас к Нему, Он Сам призывает нас через него, Он Сам призывает нас к судьбе через все, что происходит. Мы не освобождены от риска, на который много лет назад указывал Джуссани: проживать жизнь под общей анестезией, которую создает наше общество. «Настоящая опасность нашей эпохи, – сказал Тейяр де Шарден, – утрата вкуса жизни. А утрата вкуса к жизни предполагает не-ощущение себя [...], не-привязанность к себе. Но чтобы человек полностью, совершенно утратил чувство привязанности к себе и поэтому хотя бы зачаточное чувство к самому себе, беспокойство о себе, ему нужно было бы сделать общую анестезию, потребовалась бы

¹ L. Giussani, *L'uomo e il suo destino*, Marietti, Genova 1999, p. 63.

² L. Giussani, «*Il tempo si fa breve*», Cooperativa Editoriale Nuovo Mondo, Milano 1994, p. 7.

общая анестезия. Тип общества, в котором мы живем, способен поместить человека под такую общую анестезию [мы прекрасно это знаем, потому что часто мы как бы засыпаем в своем оцепенении, в своей рассеянности, в бегстве от самих себя, когда эта привязанность к себе дальше всего от нас; достаточно подумать, когда последний раз каждый из нас (я говорю это в первую очередь себе) переживал мгновения нежности к самому себе, чувствовал внутри себя трепет этой нежности к самому себе], но она не может действовать постоянно. Даже у этой повсеместно распространенной общей анестезии (поэтому общество характеризуется полной отчужденностью) есть ограничение: она не может действовать постоянно, и поэтому страдания [...] нельзя избежать. Страдание [...] указывает на приостановку, прорыв, окончание общей анестезии»³.

Через эти обстоятельства Тайна хочет пробудить нас от анестезии, хочет научить нас осознавать самих себя, истину о себе. Тайна пробуждает в нас сознание того, ради чего мы были созданы; из-за страсти к нашей жизни, которая есть самый великий знак нежности Бога к нам, Она не позволяет нам идти к ничто, не заботясь о себе. Как Тайна воспитывает нас? Не через размышления, не через речи, которые мы часто и слушать не хотим, но через опыт реальности, через обстоятельства, к которым Она нас призывает, встряхивает нас («Отдаешь ли ты себе отчет?!»). На Школе общины мы читали: «Жизни ты учишься в конкретных обстоятельствах, а не теоретически»⁴, и кусочек реальности стоит больше тысячи слов. Итак, друзья, обстоятельства, страдание, трудности ставят нас перед серьезностью жизни, которую мы часто хотим отсечь.

«В обычной жизни людей серьезными являются денежные проблемы, проблемы с детьми, серьезны проблемы отношения мужчины и женщины, проблема здоровья, проблема политики: серьезно для мира все, кроме самой жизни. Я имею в виду не жизнь в смысле здоровья (это, конечно, серьезно), а саму жизнь! [Следовало бы услышать, как трепетал отец Джуссани, произнося это слово – «жизнь», и мы почувствовали бы весь трепет его страсти к каждому из нас.] Но в чем жизнь больше, чем здоровье, деньги, дети, отношения между мужчиной и женщиной? В чем жизнь больше всего этого? Из чего она состоит? Жизнь предполагает наличие всех этих вещей, но вместе с целью всего этого, со значением»⁵.

А обстоятельства бросают нам вызов: открыть этот смысл.

³ L. Giussani, *Uomini senza patria (1982-1983)*, BUR, Milano 2008, pp. 292-293.

⁴ Л. Джуссани, «Можно ли жить так?», Культурный центр «Духовная библиотека», Москва, 2007, стр. 214.

⁵ Там же, стр. 128.

2. В таком случае, настоящая проблема – это не кризис, не драматические в большей или меньшей степени обстоятельства, затрагивающие нас так или иначе, но то, как мы подходим к этим обстоятельствам, какую позицию занимаем перед ними. Мы видим, что эти обстоятельства часто являются для нас поводом осознать, что мы растеряны, потеряны. Почему? «Реальность Церкви как повседневного события, в котором становится присутствующим исходное событие, сегодня заявляет о себе пред миром, не скажу, забывая, но считая очевидным и само собой разумеющимся (по крайней мере, методологически) догматическое содержание христианства, его онтологию и, поэтому, событие веры»⁶. С нами может случиться то же самое: мы можем подходить к обстоятельствам, не скажу, забывая, но считая очевидным и само собой разумеющимся событие веры. И мы чувствуем себя потерянными.

Именно поэтому благодаря обстоятельствам, бросающим нам вызов, проясняется, как мы увидим в эти дни, какой путь был проделан за этот год, потому что отец Джуссани учит нас, что обстоятельство есть то место, где человек через то, каким образом он его проживает, занимает определенную позицию перед лицом мира. Для тех, кто получил христианскую весть: «Тайна воплотилась в человеке»⁷, – все обстоятельства есть возможность показать свою позицию перед этой вестью, этим фактом.

Мы показываем всем, чем для нас является Христос, через то, каким образом мы переживаем обстоятельства. Каждый может посмотреть на себя, может открыть себя в действии, потому что каждый из нас действовал в этих обстоятельствах. Все мы действовали, все мы так или иначе ощутили вызов обстоятельств. Все мы были вынуждены выйти из тени, никто не был избавлен от этого, и мы заявили, что значит для нас жизнь, что значит Христос, чему мы привержены больше всего сверх наших намерений. Я говорю «сверх наших намерений», потому что нередко мы путаем намерения с реальностью. Намерения часто справедливы, но потом мы обнаруживаем, что действуем в реальности в соответствии с иной логикой. Поэтому через то, каким образом мы подходим к обстоятельствам, являющимся вызовом для нас, мы сообщаем, в чем наша принадлежность. «Более того, из того, как возникает в нас эта позиция, становится понятно, живем ли мы и насколько живем принадлежностью, которая является глубинным

⁶ L. Giussani, *L'uomo e il suo destino*, op. cit., pp. 63-64.

⁷ *Ibidem*, p. 63.

корнем всего выражения культуры»⁸. То есть мы заявляем себе самим, какова наша культура, что мы любим больше всего, что есть для нас самое дорогое в мире, через то, каким образом мы подходим к обстоятельствам. Именно перед настоящим вызовом жизни ясно выделяется основательность культурной позиции, ее способность выстоять перед всем, даже перед землетрясением.

Мы получили впечатляющее свидетельство этого от наших друзей из Аbruццо, которые написали:

«Понедельник 6 апреля стал днем смятения. Первым порывом было найти друг друга, собраться и пересчитаться. И поэтому – изумление и благодарность за то, что все мы спаслись, это первое великое чудо. По всей области в людях сразу же возникла готовность заняться разнообразными потребностями, которые мы замечали. Эта попытка обнять, несмотря на все наше несоответствие, тех, кто испытывал боль, имела фундаментальное значение, так как через простое отношение мы смогли заметить на «обломках» нашей компании и народа Аbruццо факты, которые вовсе не были обломками. Динамика сочувствия помогла нам заметить неожиданные и невообразимые картины человеческой красоты, в которых мы с самого начала смогли увидеть исключительность. Происходило нечто великое. Именно в тот момент, когда мы думали, что ничего не может произойти. Именно среди тех людей, про которых мы все знали, как мы думали (членов наших общин и эвакуированных жителей Аквилы). Возникла трогательная и непредвиденная авторитетность, за которой мы можем следовать. Особенно поражают нас Марко и его жена Даниэла, которые на следующий день после землетрясения решили поселиться с семьей в кампере в Аквиле. Вчера вечером нас глубоко тронули его слова: «То, в чем нуждается мое сердце, присутствует! Землетрясение показало это! Среди развалин распускаются цветы. Цветок – это не эмоции, это нечто присутствующее. Цветок – это Джино и Грация, это моя жена, камперы, которые нам подарили; это Крестный путь, это место общности, это Тереза, которая вернулась спустя полтора года после того, как ушла, чтобы снова обнять нас и сказать: «Потребовалось землетрясение, чтобы я вернулась!». Цветок – это отец Эудженио, Уго, Манило и другие друзья из пивной компании и из Римини». Непрерывное зрелище воскресения после страстной недели. Необходимо было бы исписать много страниц, чтобы рассказать

⁸ *Ivi.*

про все увиденные нами факты, потому что землетрясение заставило проявиться всю нашу нищету, заставило нас вспомнить все случаи, когда мы надеялись на материальные вещи, которые землетрясение теперь отобрало у нас. И много страниц, чтобы рассказать, как Христос являет среди нас Себя воскресшего. На глаза наворачиваются слезы, когда Он приходит к нам, становясь ни с чем не сравнимой красотой именно в тех из нас, кого мы считали «обычными» или даже «развалинами». Единство и принадлежность компании, данной нам, есть второй аспект чуда, при котором мы присутствуем. Кто бы мог подумать, что некоторые из нас буквально поймут то, что мы говорим! [Здесь, в таких драматических обстоятельствах, видно, кто серьезно принимает то, что мы говорим.] Вчера Марко, вспоминая один наш разговор, сказал: «Если я исхожу из себя, то приобретаю что-то одно, если исхожу из других, приобретаю пять. Я не знаю, почему, но это работает. Я вижу, что всецелая принадлежность к единству позволяет возродиться». Очевидно, что мы расколоты, как и раньше, но Некто объединяет нас. Мы часто собираемся и проводим разные встречи. Не с желанием восстановить дома или область, которые в любой момент могут снова разрушиться, но с новым желанием: наслаждаться привлекательностью Христа, Который перестраивает все по-Своему, и не отступать. Сейчас земля продолжает сотрясаться и добавляет страха и боли. Велико искушение перевернуть страницу и сказать: «Надеемся, что толчки скоро прекратятся, и мы сможем начать заново», несмотря на то, что Он в настоящем творит для нас все новое. В тексте Школы общины говорится: «Враги этой верности принадлежности, самые видимые враги – это тяжесть и боль». Мы сталкиваемся с этими врагами каждый день, и они часто побеждают нас. Пусть Господь простит нас. Простите нас все, вместе с Карроном. Отдавая вашу жизнь, чтобы мы пребывали во Христе».

Кто не хотел бы такой дружбы? Друзей, которые просят отдать жизнь, чтобы они пребывали во Христе.

Друзья прибывают отовсюду, даже из Уганды. Роуз пишет мне:

«В центре для женщин Митинг Поинт в Киреке, район Кампалы, где женщины дробят камни, чтобы заработать немного денег, в четверг после землетрясения я прочитала листовку Движения, когда мне прислали ее из итальянского секретариата. На языке ачولي женщины сказали мне: «Это наши, в этот раз это коснулось наших. Мы должны что-то сделать». Они спросили меня, можно ли поехать и помочь

им, можно ли поехать на автобусе. В газетах писали, что люди еще были под развалинами, и они хотели поехать в Абруццо, чтобы разбирать развалины и доставать тела. Я сказала им, что это невозможно, потому что Абруццо очень далеко и туда можно добраться только на самолете. Но они сказали: «Мы должны что-то сделать, потому что это наши, хотя бы послать им что-то, чтобы показать, что они наши, что принадлежат нам». Одна женщина сказала: «Они из племени отца Джуссани». Женщины были так взволнованы, что, когда я уезжала, они дали мне 250 евро в местной валюте, а для них это очень большие деньги. И они попросили сразу передать их, если это возможно. Может быть, заплатить кому-нибудь, чтобы помочь доставать людей из-под завалов. В тот день мы не делали то, что обычно: не мастерили бусы, не танцевали, не играли в футбол, потому что женщины хотели вспоминать. Мы говорили, и когда они поняли, что это были итальянцы, то сказали, что они из племени отца Джуссани, нашего племени. Они считают нас племенем отца Джуссани. Они снова собирают деньги. Они часто спрашивают меня о наших друзьях, потому что толком не знают, где находится Абруццо, и думают, что вся Италия – и поэтому их друзья – пострадала от землетрясения. И теперь они хотят написать письмо. Если сказать, что я думаю: это действительно волнение и действительно верно, что вера определяет метод. Когда ты погружен в Тайну, ты не можешь не взволноваться, заметив то, что есть. Эти женщины для меня вызов, чтобы растрогаться. Они движутся не потому, что Движение прислало листовку, не по указке – они затронуты, и поэтому начинают действовать. Если сердце затронуту, оно движется».

Кому не хотелось бы испытать такой трепет? Кому не хочется испытывать такой трепет? Кто смог бы (я бы не смог), слыша это, не почувствовать стыда за то, как мы далеки от этого опыта, который достигает нас из самой отдаленной точки мира?

Роуз переслала мне письмо Элис:

«Дорогая Роуз, кто-то открыл мне глаза и дал мне понять, кто я. Я ценна и любима. Я могу сказать, что мы из племени отца Джуссани и Папы, которые любили нас и, без сомнения, отдали бы и на самом деле отдали все ради нашей жизни: мы учились на этом. Те, кто страдает из-за землетрясения, принадлежат нашему племени; я хочу послать им то, что чувствует мое сердце: мою любовь к ним, и мой взнос – знак этого. Ты знаешь, Роуз, что человек, который никогда не

испытывал любви, не может понять, что мы чувствуем к этим людям. Потому что любовь – это движение сердца, которое никто не может объяснить. Люди, которые не любят, могут отвечать только механически, но когда кто-нибудь что-то сделал ради тебя и плачет вместе с тобой, как это случилось с нами, – это нечто по-настоящему великое! Скажи этим людям, если сможешь, что мы их любим и принадлежим им. Мы чувствуем их боль, потому что мы сами прошли через это. Пусть Бог будет в них в этот трудный момент, защитит и утешит их. Элис»⁹.

Поэтому в начале наших Духовных упражнений мы чувствуем неотложную потребность в обращении. И к этому началу у нас может быть два подхода, те два подхода, которые отец Джуссани выделял в людях, начинавших следовать за Христом:

«С одной стороны, были такие, у кого уже было в кармане решение или, по крайней мере, кто уже знал, с помощью каких инструментов подходить к проблеме человека и народа (книжники и фарисеи), и с ними все те, кто разделял дух этого подхода. Представьте себе, как они Его слушали: как камни, на которые бесплодно падали Его слова, или как камни, которые противостояли этим словам своим скептическим отношением либо совершенно противоположной диалектикой: камень их поведения притуплял предложение этих слов, противоречил им или пропускал мимо. Но попробуем представить себе других людей, нищих людей. Не таких «нищих», у которых не было денег (Никодим не был бедняком и множество других, как указывается в Евангелии, не были бедными), но нищих сердцем, которые ходили слушать Его, потому что «никогда человек не говорил так, как тот человек», то есть потому что они были и чувствовали себя любимыми, была затронута их привязанность, обновилась их привязанность к себе самим, их человечность, ощущение их человечности. Эти люди следовали за Ним [...], забывая даже о еде. Какой первый фактор определял этот феномен? «Иисус Христос»? Нет. Первым фактором, определяющим этот феномен, является то, что это были нищие люди, которые чувствовали милосердие к себе, люди, которые испытывали голод и жажду, как скажет Он в «блаженствах». Что значит жажда и голод? Испытывать голод и жажду «справедливости» [...] значит желать осуществления собственной человечности, проявления истинного чувства собственной человечности. [...] Чтобы желать, чтобы испытывать

⁹ Митинг Поинт в Киреке, районе Кампалы.

голод и жажду осуществления собственной человечности, человек должен чувствовать самого себя, чувствовать свою человечность»¹⁰.

Мы начинаем этот жест с осознанием нашей нужды. Начинаем как те, кто нуждается. Мы устремлены к открытости того, что заключает в себе этот жест. Жертва, которую мы должны совершить, чтобы выстроить этот наш жест, – это просьба. Начиная с молчания и заканчивая неудобными перемещениями, все есть часть нашей нищеты, нашего крика, чтобы Господь смилостивился над нами.

СВЯТАЯ МЕССА

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА МИКЕЛЕ БЕРКИ

Сегодня, как и две тысячи лет назад, мы участвуем в том же событии, которое стало более великим, более истинным. Сегодня, как и две тысячи лет назад, Христос бросает нам вызов: где нам купить хлеба, чтобы люди смогли поесть? Христос бросает вызов всем нашим расчетам, всем нашим представлениям, всей нашей «анестезии», всей твердости нашего сердца, всему недостатку надежды.

Сегодня, в течение этих трех дней, каждый день нашей жизни, как и две тысячи лет назад, Христос бросает нам вызов, и этот вызов – наше спасение, нежность к нашему сердцу, чтобы наши мерки разрушились, чтобы наши мерки стали Его мерой, потому что возможность участия в великом событии Его присутствия – намного больше, бесконечно прекраснее умножения хлебов.

Пусть наша жизнь, наше ничто сможет стать орудием Его пылающего присутствия. Мы просим Богородицу, чтобы в течение этих трех дней и каждого дня нашей жизни наше ничто служило Твоему, Господи, присутствию в мире.

¹⁰ L. Giussani, *Uomini senza patria (1982-1983)*, op. cit., pp. 293-294.

Суббота 25 апреля, утро

При входе и выходе:

Вольфганг Амадей Моцарт, Симфония № 38 ре-мажор, К504 "Praga",
Wiener Philharmoniker – Karl Böhm
Deutsche Grammophon

Отец Пино. Что есть жизнь? Жизнь – это диалог, жизнь – не трагедия. Трагедия – это то, что все вырождает в ничто. Жизнь драматична, потому что она есть отношение нашего «я» и Ты Бога, нашего «я», которое должно следовать шагам, которые указывает Бог.

Ангелус

Утренняя молитва

■ ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Хулиан Каррон

**«И мы уверовали и познали,
что Ты Христос, Сын Бога живаго»**

(Ин 6, 69)

1. «Распад старых религиозных убеждений»

а) Раскол между знанием и верой

Контекст, в котором мы сталкиваемся с теми вызовами, о которых говорили вчера, – это распад старых религиозных убеждений.

В своей книге «Вера – Истина – Толерантность» тогда еще кардинал Ратцингер рассказывает об очень значимом случае, который произошёл во время дискуссии между учеными в Брюсселе и был описан Гейзенбергом.

«Речь зашла о том, что Эйнштейн часто говорит о Боге и что Макс Планк держится мнения, согласно которому нет противоречия между естественными науками и религией [...]. По мнению Гейзенберга, в основе этой открытости [Планка] лежит понимание того, что естественная наука и религия имеют дело с двумя совершенно различными, не конкурирующими между собой сферами: естественная наука оперирует категориями «истинно» или «ложно», тогда как в религии используются категории «добро» и «зло», или «этически ценно» и

«этически не ценно» [...]. «Естественная наука есть в известном смысле способ нашего подхода к объективной стороне действительности... Религиозная вера, напротив, есть выражение субъективного решения в пользу ценностей, ориентируясь на которые мы выстраиваем свою жизнь». [...] И в этом месте Гейзенберг прибавляет: «Должен признаться, что меня это разделение не удовлетворяет. Я сомневаюсь в том, смогут ли человеческие сообщества длительно существовать при столь остром расколе между знанием и верой». И тут нить беседы подхватил Вольфганг Паули и подкрепил сомнение Гейзенберга, возвысив его почти до определенности: «Полное разграничение между знанием и верой – это вынужденная мера на весьма ограниченное время. В западном культурном круге, например, в близком будущем может наступить момент, когда притчи и образы прежней религии потеряют всякую убедительность даже для простого народа; я опасаясь, что тогда в кратчайшие сроки разрушится прежняя этика и станут происходить такие ужасные вещи, которых мы себе сейчас и вообразить не можем»¹¹.

Шел 1927 год. Все мы знаем, что случилось после. Ратцингер продолжает:

«После войны [...] появилась уверенность, что такое больше никогда не сможет повториться. В принятую тогда конституцию ФРГ был включен тезис об «ответственности перед Богом», и он должен был стать выражением зависимости права и политики от великих моральных императивов библейской веры. Эта тогдашняя уверенность ныне поблекла на фоне морального кризиса человечества, принимающего все новые угрожающие формы. Распад старых религиозных убеждений, который, казалось, можно было остановить 70 лет назад, в действительности продолжился» (он сказал это 15 лет назад, что уж говорить про сегодняшний день...)»¹².

Вот в такой ситуации мы сталкиваемся с вызовами реальности: распад религиозных убеждений. Но источник разделения знания и веры лежит еще глубже:

«В эпоху Просвещения был поднят на щит идеал «религии в пределах только разума». Но эта чистая религия разума быстро иссякла, поскольку у нее не было силы, способной поддержать жизнь. [...] Таким образом, по завершении эпохи Просвещения [...] стали искать новое пространство для религии [...]. Поэтому религии отвели «чув-

¹¹ Й. Ратцингер, «Вера – Истина – Толерантность», ББИ, Москва, 2007, стр. 206-208.

¹² Там же, стр. 208.

ство» как самостоятельный сектор человеческой экзистенции. Шлейермахер был видным теоретиком этого нового религиозного понятия: согласно его дефиниции, «практика – это искусство, спекулятивное мышление – это наука, религия – это восприимчивость и вкус к бесконечному». Классическим стал ответ Фауста на вопрос Маргариты о религии: “Все дело в чувстве, а название / Лишь дым...”¹³.

Четкое разделение знания и веры, познания и веры – это синтез решений, которые пронизывают и характеризуют современную эпоху. Такое разделение определяет, как мы увидели, с одной стороны, сферу знания, в которой господствует рационалистическая концепция разума (Джуссани называл этот разум «мера реального»¹⁴), никак не связанная с вопросом о конечном смысле жизни, с Тайной и верой, а с другой стороны, соответственно, – сферу веры, понимаемую как сферу нерационального, чувства, субъективных решений о ценностях, в которую втискивается весь религиозный феномен. Следовательно, вера оказывается в резкой оппозиции к рационалистически понимаемому знанию.

б) «Вырвать у человека гипотезу христианской веры»

Но есть кое-что еще, что имеет для нас ключевое значение. Вместе с этим сведением всего религиозного опыта к сфере чувства происходит другое, более коварное, много раз обличенное отцом Джуссани сведение христианской веры (которая есть «признание истинным того, что говорит о Себе историческое Присутствие»¹⁵) к динамике религиозного чувства или религиозности (которое есть «просьба о полноте, составляющая наш разум, присутствующая в каждом действии»¹⁶). «Для современного человека «вера», в общем, есть не что иное, как один из аспектов «религиозности», тип чувства, с которым человек переживает беспокойный поиск собственного источника и собственной судьбы, являющийся самым чарующим элементом любой «религии». Все современное сознание суетится, чтобы вырвать у человека гипотезу христианской веры и свести ее к динамике религиозного чувства и концепции религиозности, и эта путаница проникает, к сожалению, и в менталитет христианского народа»¹⁷.

¹³ Там же, стр. 210-211.

¹⁴ Л. Джуссани, «Религиозное чувство», «Христианская Россия», Москва, 2000, стр. 160.

¹⁵ L. Giussani – S. Alberto – J. Prades, *Generare tracce nella storia del mondo*, Rizzoli, Milano 1998, p. 22.

¹⁶ *Ibidem*, p. 21.

¹⁷ *Ibidem*, p. 22.

То, что этот отрыв от христианской гипотезы произошел, видно из того факта, что подавляющее большинство христианского народа подходит к реальности, не имея во взгляде христианской традиции, то есть не живя памятью в полноте. Эта традиция уже больше не является критерием вхождения в реальность, уже не является отправной точкой. Я осознал, какое впечатление недавно во время Литургии вновь произвел на меня рассказ о Сотворении мира. Я много раз его слышал, и меня еще раз поразило, какую компанию и воспитание предлагает Церковь людям. Но сейчас это сходит на нет. В нынешнем году мы видели это много раз, во многих людях: то, что раньше было нормой (люди, осознававшие, что у истоков реальности есть доброе лицо, Отец), стало почти исключением.

Именно в этом контексте мы можем понять весь масштаб попытки отца Джуссани, принявшего вызов такого подхода к пониманию, который мы описали. Движение родилось как ответ на этот вызов, начиная с самого первого занятия по религии в Берше, когда один из студентов сказал ему, что вера и разум не имеют друг к другу никакого отношения. Отец Джуссани никогда не смирялся ни с тем, что вера сводится к чувству, ни с тем, что разум сводится к мере, и из этого родился такой способ переживания христианского опыта, который сделал его интересным для нас, когда мы его встретили. В нашей жизни эта многими утерянная традиция вновь стала привлекательной благодаря встрече с Движением. Иначе и мы были бы потеряны, как многие наши современники.

2. Распад, затрагивающий и нас

Как всегда учил нас отец Джуссани, человек не может жить в определенной ситуации и не испытывать ее влияния. Поэтому мы часто обнаруживаем, что сами поступаем, как и все. Из чего это видно?

Реальность есть место проверки веры. Поэтому ключевой и драматический момент, постоянно проявлявшийся в ситуациях, с которыми мы сталкивались в этом году, – вопрос веры и связь веры и надежды. Благодаря сравнению с главой о надежде¹⁸ проявилась наша хрупкость в том, что касается веры. Она проявилась, в первую очередь, в том, что нам трудно смотреть на переживаемый опыт, проявилась как слабость суждения, нежелание совершать путь познания, которого

¹⁸ Ср. Л. Джуссани, «Можно ли жить так?», цит., стр. 153-222.

требуют определенные события и факты, глубоко поражающие нас. Есть множество подтверждающих примеров. Прочитаю только одно письмо.

«Школа общины о надежде вошла в мою жизнь, как удар камнем. До Рождества все шло хорошо. Я был женат уже больше года. В апреле родилась моя прекрасная первая дочка, у меня есть работа, которую я люблю, я помогал преподавателям работать с GS, много что делал. Перед Рождеством кое-что произошло [он описывает невыгодное положение, в которое попал]. Господствовали неудовлетворенность и грусть. Я спрашивал себя: «На что я растрачиваю себя каждый день?». И мне на ум снова приходили твои слова, что у нашей веры есть срок годности. Через определенное количество лет, что я был примерным членом Движения, оказалось, что моя вера шатка, ни на чем не основана, то есть все будущее было в тумане».

Мы говорим это после того, как всем нам было сделано предложение. В прошлом году на Школе общины, а также на Упражнениях мы проделали весь путь: вера как метод познания. Я свидетель, что многие из вас работали серьезно, но, когда реальность прижимает нас, верх одерживает то, что мы только что слышали: все улетучивается. Как сказал Франко Нембрини, собрав все письма, присланные на встречу преподавателей:

«Это лавина добра, истины, попыток, а также уверенности. Во многих письмах – рассказ о присутствующем чуде, а не о видениях, но они как будто подвержены последнему сомнению [...]. Как будто на завтра утром можно проснуться, и грандиозность пережитого опыта испарится, исчезнет»¹⁹.

Итак, верх берет растерянность. Как будто весь путь веры как метода познания был стерт в одно мгновение. И это дает нам осознать, друзья, какой долгий путь нам еще предстоит проделать. И это свидетельствует нам, что мы в такой же ситуации, как и все. Мы совершаем три опасных умаления.

а) Сведение веры к религиозному чувству

Прежде всего, сведение веры к религиозному чувству. В нашей среде христианство часто сводится к религиозному чувству. В нашей повседневной жизни это означает, что вера переживается как одна из

¹⁹ J. Carrón, «Che cosa introduce veramente al reale? Un fatto presente», встреча Хулиана Каррона с преподавателями из «Comunione e Liberazione», Милан, 15 марта 2009 г., текст на сайте www.tracce.it.

множества вероятных гипотез для подхода к какой-либо ситуации. Как будто ничего не произошло, и мы снова находимся перед неведомым: я с моим религиозным чувством наощупь пытаюсь установить связь с этим неведомым. Из чего это видно? Я мог бы рассказывать один случай за другим. Из того, что отправная точка, из которой мы исходим, встречая события дня, не является тем, что мы с уверенностью знаем; и скрытая причина этого в том, что она не кажется нам настолько реальной, чтобы не пренебрегать ею. Мы замечаем, что это гипотеза, которая даже не приходит нам на ум: все остальные варианты приходят нам на ум прежде веры. Почему? Потому что вера не приравнивается к настоящему познанию. Вот «распад старых убеждений». Все что угодно кажется нам более реальным, чем Присутствие, признанное верой. Неуверенность и хрупкость – неизбежные следствия разделения познания и веры. И поэтому, вместо того чтобы исходить из Присутствия, Которое можно встретить и любить, мы исходим из отсутствия, из неведомого. Но это не так для того, для кого вера является настоящим познанием, познанием чего-то реального! Отец Джуссани говорит, что «главный жест милосердия к себе самому, главное выражение любви к своему источнику, своему пути и своей судьбе [...] – [...] исповедание Другого [Которого ты признал через веру]»²⁰. Это главный жест милосердия, предшествующий любому следствию.

Легко заметить, когда человек исходит из того, что познал с уверенностью. Как пишет мне одна девушка:

«Происходят разные вещи, прекрасные вещи, которые затрагивают меня, и вещи не такие прекрасные, болезненные, которые меня ранят, но у меня в руках сокровище, нечто удивительное, потому что я могу смотреть на все, проникать во все. Прежде всего, смотреть, что не разумеется само собой, смотреть по-другому, по-другому, так, что ты можешь дышать, в отличие от всего остального мира».

Nota bene. Несмотря на то, что это умаление происходит, оно не препятствует нам продолжать использовать христианские слова или посещать определенные христианские мероприятия, но все как будто приобретает иное значение.

б) Сведение веры к чувству

Второе умаление – сведение веры к чувству. Даже в нашей среде может утвердиться эта сентиментальная или эмоциональная концеп-

²⁰ L. Giussani, *Uomini senza patria (1982-1983)*, op. cit., p. 270.

ция веры, когда вера вместо признания Присутствия, Которое мы встретили, становится «скачком», иррациональным актом, бесновательным актом воли, в котором, в конечном счете, вера порождает христианский факт, а не наоборот. Рудольф Бультман, экзегет, который сказал, что именно вера порождает христианский факт, не слишком далек от нашей жизни. Видите, какой переворот! В сентиментальной концепции веры именно сила чувства, «воля к вере»²¹ создает ее объект. Как написал один студент из левых под листовкой наших друзей-студентов: «То, что вы говорите, – это очевидность или кредо?». Часто для нас это не истинное познание, а кредо: вера как бы относится к области верования, которая не имеет ничего общего с познанием, с использованием разума. Это первое возражение, которое услышал отец Джуссани во время первого урока религии! Какая уж там вера как метод познания! И это происходит после года работы над верой на Школе общины! Итак, когда речь идет о Христе, об объекте веры, нет речи о реальности, то есть не вовлекается разум, и поэтому объект веры не приходит нам в голову, когда мы сталкиваемся с вызовом жизни. Мы не считаем реальным содержание веры: вера сводится к чувству.

в) Сведение христианства к этике или культуре

Наконец, третье умаление – сведение веры к этике. Остаются какие-то ценности христианской культуры или правила христианской этики. В этом году мы часто замечали, что защищали эти ценности, но не испытывали потребности говорить о Нем, о Присутствии, Которое мы признаем и любим. Мы защищаем жизнь, но кто из нас мог бы стоять перед такой драмой, как драма Элуаны, просто защищая жизнь? Кто из нас, если бы не было компании Присутствующего, Которого мы признаем и любим? Если бы не было «нежности Назарянина», кто мог бы находиться перед такой драмой?! Если нет этого Присутствия, первыми сдаемся мы. Вне и внутри Церкви мы дышим этим умалением: вера сведена до определенного видения мира и жизни, до морали или совокупности ценностей, которую как таковую можно уважать или атаковать. Есть те, кто ее поддерживает, как христиане или отдельные представители «мира», есть те, кто нападает на нее во имя принципа самоопределения индивида.

Христианство ценностей – это искушение, которое нам не чуждо. Именно это отец Джуссани обличал еще в 1982 году, когда с горе-

²¹ E. Severino, *La buona fede*, Rizzoli, Milano 1999, p. 120.

чью сказал ответственным студентов: «Движение «Comunione e Liberazione» с 70-х годов как будто работало, строило и боролось за ценности, которые принес Христос, в то время как факт Христа [...] для нас оставался в параллельной плоскости»²². Но такого христианства недостаточно, чтобы поддерживать жизнь, и как только жизнь усложняется, неуверенность получает преимущество.

3. Неумалимость факта

Ратцингер спрашивает:

«Почему вера вообще имеет еще свой шанс [в том числе в нас]? Я бы ответил: поскольку она соответствует сущности человека. [...] В человеке неистребимо присутствует тоска по бесконечному. Никакой из человеческих ответов ее не утоляет; один лишь Бог, ставший конечным, чтобы преодолеть нашу конечность и ввести ее в простор своей бесконечности, удовлетворяет запросам нашего бытия. Вот почему христианская вера вновь находит человека и сегодня»²³.

Почему все эти умаления в конечном счете не взяли в нас верх? Мы это хорошо знаем: благодаря тому, что Факт, с Которым мы встретились, слава Богу, абсолютно неумалим. Мы не в состоянии стереть его. Сегодня – сегодня, а не в прошлом – мы находимся перед совершенно неумалимым фактом, с множеством свидетелей, и это – самый явный знак, что Тайна продолжает испытывать к нам сострадание.

В книге «Можно ли жить так?» есть утверждение, которое всем известно и которое имеет огромное значение, потому что оно заключает в себе всю оригинальность и разумность веры, все ее отличие от религиозного чувства, от верования, противопоставленного познанию.

«Какова первая отличительная черта веры во Христа? Какова первая отличительная черта веры Иоанна и Андрея в Иисуса? [...] Первая отличительная черта – это определенный факт! Какова первая отличительная черта познания? Это столкновение сознания с реальностью»²⁴.

Факт, который продолжает быть вызовом для каждого из нас, есть исходная точка, из-за которой и в этом году мы вновь возвращаемся

²² L. Giussani, *Uomini senza patria (1982-1983)*, op. cit., p. 56.

²³ Й. Ратцингер, «Вера – Истина – Толерантность», цит., стр. 204-205.

²⁴ Л. Джуссани, «Можно ли жить так?», цит., стр. 38.

сюда: предчувствие соответствия, от которого мы не можем отделаться, потому что это столкновение с иной человечностью.

«Событие Христа становится присутствующим «сейчас» через феномен иной человечности: человек сталкивается с ним и открывает в нем новое предчувствие жизни [...]. А это столкновение человека с человеческой инаковостью есть нечто *очень простое*, совершенно элементарное, – напоминает нам Джуссани, – что *предшествует* всему, любому катехизису, размышлению или развитию, оно не требует объяснения, его нужно лишь *увидеть*, уловить, оно рождает изумление, пробуждает чувство, оно является призывом, оно побуждает следовать в силу того, что соответствует структурному ожиданию сердца»²⁵.

Без этой современности Его присутствия в феномене иной человечности христианская вера была бы невозможна. А современность Христа сегодня есть тот факт иной человечности, о котором мне свидетельствуют многие из вас, факт, который бросает вызов моему разуму и моей свободе.

Но почему, если это свидетельство так явно, если нас окружает такое количество свидетелей, почему через некоторое время мы снова теряемся, снова застреваем в нашем чувстве, задыхаемся в обстоятельствах?

Сегодня в нашей среде недостает не Присутствия (мы окружены знаками, свидетелями!) – недостает человеческого. Если не вовлечена человечность, то путь познания прерывается. Друзья, недостает не Присутствия – недостает пути, недостает нашего решения пройти весь путь веры, как нам было возвещено, потому что мы не можем автоматически, не работая, выйти из той ситуации, из того контекста, в котором мы переживаем веру (и который влияет на нас намного больше, чем мы сами это осознаем). «Это рабство, от которого нельзя освободиться автоматически, освободиться от него можно только благодаря аскезе. [...] Аскеза — это обращение человеком своей энергии в работу над собой, ум и воля»²⁶.

Приобретенный в течение этих лет опыт позволяет нам осознать, что мало повторять некоторые фразы отца Джуссани, умаляя таким образом его личность до каталога произнесенных фраз, или участвовать в прекрасных моментах. Нужно серьезно вовлечься в путь, в

²⁵ Л. Джуссани, «То, что всему предшествует», «След», *Litterae Communionis*, ноябрь 2008 г., стр. 2.

²⁶ Л. Джуссани, «Религиозное чувство», цит., стр. 105.

работу; вот вызов, перед которым мы стоим: всерьез принимать или не принимать предложение, которое обратил к нам отец Джуссани. Перестаем играть в игры! Мало где в Церкви Божией нашлось мужество принять вызов современного времени, как это произошло внутри опыта, порожденного отцом Джуссани. Но мы часто сводим этот опыт к серии инициатив, к участию в определенных жестах, не проделывая человеческого пути, то есть пути разума и свободы. Мы приняли его с долей «спортивного задора», как будто не вполне осознавая драматическую ситуацию, в которой мы находимся и которая, напротив, требует вовлечения в проверку всей нашей личности. Но он сказал нам об этом уже много лет назад:

«Если Движение не является приключением для себя и не является расширением сердца, то оно становится партией [...], в которой может быть полно проектов [в которых в нашей среде нет недостатка], но в которой отдельный человек обречен на все более трагичное одиночество [он вместе с другими, но один!] и определяется индивидуалистически»²⁷.

Но какого пути, какого приключения нам недостает?

а) Путь веры

Я хочу снова подчеркнуть два аспекта пути веры, которые считаю решающими.

1) Соответствие

Главная трудность, которую я вижу, – недостаток осознания того, что мы называем соответствием; это самое непонятное слово в словаре нашего Движения. Отец Джуссани предупреждал, что «причина, из-за которой люди не верят больше или верят, не веря (то есть сводят веру к формальному ритуальному участию, к жестам или морализму), в том, что они больше не живут своей человечностью [недостает человечности], не вовлекаются в свою человечность, свою чувствительность, свое сознание, и поэтому, в свою человечность»²⁸. «То есть вовлеченность на человеческом пути – вот условие, чтобы быть готовыми, когда Христос идет нам навстречу»²⁹.

Когда недостает вовлеченности в собственную человечность, в результате получается то, что отец Джуссани описывает в своем

²⁷ L. Giussani, *Uomini senza patria (1982-1983)*, op. cit., p. 204.

²⁸ L. Giussani, *Vivendo nella carne*, BUR, Milano 1998, p. 66.

²⁹ *Ibidem*, p. 65.

выступлении в Кьети в ноябре 1985 года: «Мы, христиане, в современном климате оторваны не непосредственно от христианских формул, не непосредственно от христианских обрядов, не непосредственно от законов христианского Декалога. Мы оторваны от феномена человеческого, от религиозного чувства [от нашей человечности]. Наша вера больше не религиозность. Наша вера больше не отвечает, как должна, на религиозное чувство, то есть наша вера несознательна, она не разбирается в себе самой. Любимый мной писатель Нибур сказал: «Нет ничего более невероятного, чем ответ на вопрос, который не был задан». Христос есть ответ на вопрос, на жажду и голод человека по истине, счастью, красоте и любви, справедливости, конечному смыслу. Если это не живо в нас, если в нас не воспитана эта потребность, зачем нам Христос? То есть зачем нам Месса, исповедь, молитвы, катехизис, Церковь, священники, Папа? К ним еще относятся с определенным уважением, в зависимости от сфер жизни мира, еще сохраняют какое-то время по инерции, но они уже не являются ответом на вопрос, и поэтому жить им остается уже недолго [вот именно, срок годности]. Так христианство стало Словом, словами»³⁰. Болтовней...

Важность этого понял много лет назад тогда еще профессор Ратцингер: «Кризис христианской проповеди, который мы ощущаем в течение последнего века во все возрастающей мере, вызван в немалой степени тем фактом, что христианские ответы не принимают во внимание вопросы людей. Ответы были и остаются правильными, но поскольку они не исходят из этих вопросов и не развиваются внутри них, то не имеют влияния. Поэтому участие в поиске человека есть существенная составляющая самой проповеди, поскольку только в этом случае слово (*Wort*) может стать ответом (*Ant-Wort*)».³¹

Каждый из нас должен решить: участвовать в приключении познания, приняв всерьез свои человеческие вопросы, или повторять заученные фразы, совершая формальные организационные поступки. Поэтому отец Джуссани всегда побуждал нас всерьез принять свою человечность, то есть привязанность к себе.

«Первое условие, чтобы реализовалось событие, Движение как событие, как грандиозный феномен, главное условие – именно чувство собственной человечности [...]: “привязанность к себе”»³². Что

³⁰ L. Giussani, «La coscienza religiosa nell'uomo moderno», Centro Culturale “Jacques Maritain”, pro manuscripto, Chieti 1986, p. 15.

³¹ J. Ratzinger, *Dogma e predicazione*, Queriniana, Brescia 2005, p. 75.

³² L. Giussani, *Uomini senza patria (1982-1983)*, op. cit., p. 294.

означает эта привязанность к себе? Это не сентиментальность: «привязанность к себе снова приводит нас к открытию составных потребностей, исходных нужд в их наготе и широте [...]: безграничное ожидание. Этим является самобытность человека; и действительно самобытность человека – ожидание бесконечного»³³.

Но этого часто недостает и в нашей среде; недостает чувства Тайны. Из-за этого, в конечном счете, поскольку недостает Тайны, нам «соответствует» все, потому что для нас все одинаково. «Вот в чем беда современников: у них нет чувства Тайны»³⁴. Часто замечаю, то именно этого не хватает больше всего. Это не Его не хватает – не хватает чувства Тайны. Поэтому мне на ум всегда приходят слова Гилберта Честертона: «Часто говорят, что мудрецы не могут найти разгадку разума. Но беда не в том, что они не могут найти разгадку; беда в том, что наши мудрецы не видят самой загадки»³⁵, не чувствуют загадки, не воспринимают Тайны. Поэтому Мартин Хайдеггер сказал, что «никогда о том, что такое человек, не было известно меньше, чем в нашу эпоху»³⁶. Так что все сводится к чувству удовольствия или неудовольствия. Вот что сказал Иммануил Кант (и мы можем узнать себя в этих словах): «В чем именно каждый усматривает свое счастье – это зависит от особого чувства удовольствия или неудовольствия у него [...]; следовательно, *субъективно необходимый* закон (как закон природы) *объективно* есть еще очень *случайный* практический принцип, который в различных субъектах может и должен быть очень различным и, значит, никогда не может быть законом»³⁷. Критерий суждения абсолютно субъективен, и поэтому слово «соответствие» (которое здесь сводится к тому, что удовлетворяет этому субъективному чувству) подвержено манипуляциям со стороны отдельного человека, выбора отдельного человека.

Поэтому напомним вам то, что говорит отец Джуссани в книге «Можно ли (действительно?!) жить так?» об опыте соответствия, потому что это стало для меня как бы ударом, когда я перечитывал ее:

«Содержание опыта – это реальность. Мужчина влюблен в девушку: это факт, это феномен. Поэт прогуливается, «руки в брюки», и видит этот факт. Этот факт попадает в его горизонт, попадает к нему на глаза, то есть попадает в область его познания. Поскольку это

³³ *Ibidem*, pp. 297-298.

³⁴ В. Marshall, *Tutta la gloria nel profondo*, Jaca Book, Milano 2002, p. 149.

³⁵ Г. К. Честертон, «Ортодоксия».

³⁶ М. Heidegger, *Kant e il problema della metafisica*, Editori Laterza, Roma / Bari 1981, p. 181.

³⁷ И. Кант, «Критика практического разума».

реальный феномен, он становится объектом познания. Это начало феномена, но еще не все. Перед этим объектом познания глаза поэта загораются любопытством, симпатией, одобрением, потому что в этом феномене он видит нечто, что пришлось бы по вкусу и ему, но поскольку он всего лишь маленький пятнадцатилетний поэт, этого у него еще нет. Он испытывает тоску: испытывает, то есть реагирует чувством зависти, желанием, чтобы и у него это было».³⁸

Здесь мне лучше остановиться и спросить вас: это опыт? Вот это и есть соответствие? И я готов поспорить, что подавляющее большинство сказало бы «да»: я испытываю тоску, чувствую любопытство, испытываю симпатию, то есть это мне соответствует. И это – оправдание, человек может пойти за чем угодно, а потом оправдать любой тип натурализма (углубиться в свою сентиментальную тоску) во имя соответствия; и даже в нашей среде оправдать любую глупость во имя соответствия. Часто для нас соответствие – синоним желания обладания. Но обратите внимание, что говорит Джуссани дальше:

«До этого момента – это не опыт, но то, что человек испытывает. [...] «Реально ли удовлетворение? Это – истинный ответ на мою потребность? Это – счастье? Это – истина и счастье?» Это вопросы, потребности, которые рождаются не в том, что человек переживает, но рождаются в нем перед тем, что он переживает, в человеке, вовлеченном в то, что он переживает. Эти вопросы выносят суждение о том, что он переживает»³⁹. А вот это – да, соответствие! «Здесь становится опытом чистое переживание. [...] Становится опытом, когда переживание одновременно подвергается суждению по критериям сердца: действительно ли оно истинно, действительно ли прекрасно, действительно ли благо, действительно ли дает счастье. На основании этих конечных вопросов сердца, конечных критериев сердца человек управляет своей жизнью»⁴⁰. Иначе он как сопляк, который следует за тем, что переживает, не вынося об этом суждение! В конечном счете, эта путаница между переживанием и соответствием мешает нам признавать, в чем соответствие Христа. Дело не только в том, что я постоянно ошибаюсь, чего уже вполне достаточно, но в том, что я не понимаю, какую новизну несет Христос. Поэтому мы думаем, что не видим ответа, а на самом деле не видим загадки. В самом деле, «ответ понимается в той мере,

³⁸ L. Giussani, *Si può (veramente?!) vivere così?*, BUR, Milano 1996, p. 81.

³⁹ *Ibidem*, pp. 81-82.

⁴⁰ *Ibidem*, pp. 82-83.

в какой человек чувствует внутри себя вопрос»⁴¹. Только такой человек понимает ответ. Поэтому нет ничего более неправдоподобного, чем ответ на вопрос, который не был задан. И ты сразу видишь, когда у человека есть эта человечность, когда есть человечность, а когда нет. Я всегда вспоминаю пример Клеузы, которая после того, как услышала, что даже все волосы у нас на голове сочтены, – а нас, услышавших это, там было семьсот человек, – сразу поняла невозможное соответствие. «Мы можем ехать домой», – сказала она Маркосу. Почему она это поняла? Почему? Потому что она понимала загадку намного больше, чем все мы, мудрецы, которые тоже были там, намного больше! Из чего было видно, что она поняла, то есть что вера была для нее познанием? Из того, как в реальности она рисковала ею перед всеми и намного больше всех. Суждение об исключительности Христа, о невозможном соответствии осуществимо только для того, в ком есть эта человечность. Если недостает человечности, то даже если мы имеем перед собой Присутствие, то принимаем Его за любое другое дешевое удовлетворение. Тогда вера для нас не является познанием, мы потеряны, как и все. В конце концов, мы не понимаем: мы, мудрецы, ничего не понимаем.

2) Кто Сей?

Второй пункт, на котором я хотел бы остановиться после пункта о соответствии, – это начало пути, находящего высшее выражение в вопросе: Кто Сей, Кто соответствует мне таким образом? Мы окружены, как мы сказали, исключительными фактами, которые иногда рождают в нас вопрос, но часто мы не проходим этот путь и стоим, как иудеи, в недоумении. «Тут Иудеи обступили Его и говорили Ему: долго ли Тебе держать нас в недоумении? если Ты Христос, скажи нам прямо».⁴² То есть они хотели ответа, который избавил бы их от вовлечения собственной человечности, собственного разума и свободы. Но Иисус не уступает (мне жаль): «Иисус отвечал им: Я сказал вам, и не верите; дела, которые творю Я во имя Отца Моего, они свидетельствуют о Мне. Но вы не верите, ибо вы не из овец Моих, как Я сказал вам. Овцы Мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их; и они идут за Мною. И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек; и никто не похитит их из руки Моей. Отец Мой, Который дал Мне их, больше всех; и никто не может похитить их из руки Отца Моего.

⁴¹ L. Giussani, *Uomini senza patria (1982-1983)*, op. cit., p. 62.

⁴² Ин 10, 24.

Я и Отец – одно»⁴³. А раньше Он сказал им: «Я же имею свидетельство больше Иоаннова: ибо дела, которые Отец дал Мне совершить, самые дела сии, Мною творимые, свидетельствуют о Мне, что Отец послал Меня»⁴⁴.

Мы как иудеи перед делами, фактами, свидетелями, перед этой иной человечностью. Мы видим лавину знаков присутствующего чуда, но есть какой-то страх в следующий миг все потерять. Потому что мы не знаем, о чем речь (если человек приобрел опыт, что вода мокрая, разве возможно, чтобы завтра у него возникло сомнение, что она перестала быть мокрой?). То есть это не познание. Наш страх начинается в тот миг, когда мы блокируем путь познания, познания ранившей меня красоты, столкновения с которой я не могу избежать. Кто может бояться, что она не останется, что исчезнет спустя некоторое время? Тот, кто не дошел до веры. Тот, кто не улавливает в этих делах, в этой красоте знак Его присутствия. А почему он его не улавливает? Потому что останавливается на видимости, как иудеи: они видят дела, но не приходят к признанию их конечного источника. Для нас красота, которую мы видим перед собой, как будто оторвана от Него, не является доказательством Его в действии среди нас: мы всегда отрываем знак от источника знака. И тогда знаки не подтверждают нам, что Он действует, вера не является познанием Его через то, что Он творит. Если это Он, то Он позаботится о том, чтобы дать мне другие знаки, Он позаботится о том, чтобы оставаться Присутствующим, потому что Он один сказал, – если бы мы пришли к признанию Того, Кто творит эту красоту, находящуюся у нас перед глазами, нам даже не пришла бы в голову мысль о том, как она поддерживается, – что Он будет с нами во все дни до скончания века. Каким образом Он будет с нами – это не наша забота. Если мы не приходим к этому истинному познанию, мы всегда находимся в неуверенности.

б) Проверка веры

Но на этом путь не заканчивается. Однажды признав, нужно проверять в опыте то Присутствие, Которое мы признали. Ратцингер сказал:

«Христианская вера – это не система [это не мысль]. Ее нельзя представить себе как законченное мыслительное построение. Христианство – это путь, а для пути характерно, что он познается только через

⁴³ Ин 10, 25-30.

⁴⁴ Ин 5, 36.

вступление на него и через движение по нему. Это справедливо в двух смыслах: любой отдельный человек открывает для себя христианство не иначе как в опыте личного участия в движении [Христос открывается перед нашими глазами только в той мере, в какой Он является в том, как Он изменяет и сопровождает нас]; христианство позволяет себя постигнуть в своей полноте только как исторический путь»⁴⁵.

Мы должны дать вере возможность открывать свою истину, чтобы она могла показать, что способна поддерживать жизнь, выстоять перед обстоятельствами. Наш Бог – это Бог, Который выявляется в истории, а не в наших мыслях. Именно в истории Он раскрывает Свое отличие от всех наших идолов.

Поэтому если человек не рискует в реальности, на работе, во время кризиса, в болезни, в отношениях, в обстоятельствах, то очевидно, в которой мы нуждаемся, чтобы разумно прилепиться ко Христу, не сможет проявиться. Потому что мы нуждаемся в очевидности Христа в нашем опыте, а не в повторении слов. И мы нуждаемся не в том, чтобы кто-то объяснил нам это, – мы нуждаемся в том, чтобы самим увидеть, что эта очевидность может выстоять в обстоятельствах, может поддерживать жизнь. Мы нуждаемся не в духовном руководстве, а в том, чтобы нас призвали к проверке в обстоятельствах. Именно это может дать нам ту уверенность, в которой мы нуждаемся. Только тот, кто идет на риск и выполняет эту проверку, может прийти к уверенности в познании, в которой все мы нуждаемся: проверить, что верующий в Сына имеет жизнь вечную и переживает уже здесь опыт стократ. Без этого принятие веры неразумно, потому что мы не познали Его в действии. Но тот, кто проверяет, может обрести уверенность.

Мама замечательного ребенка, у которого синдром Дауна, пишет подруге:

«Я хотела сказать тебе, что за эти три месяца в больнице я и мой муж сталкивались с появлявшимися обстоятельствами с желанием обнять всю реальность такой, как она открывалась. Я встретила Движение примерно 20 лет назад, но только в этих обстоятельствах, в этом факте мне открылась тайна великого Присутствия. Он есть, это факт, как и мой сын – факт. Из этой нашей позиции родились прекрасные встречи, отношения, раскрылось единство с нашими друзьями. Поэтому меня поразили слова Школы общины: “Быть внутри реальности, спрашивая себя, Кто дает ее нам, идя до конца и прося, спрашивая, что, в конечном счете, составляет меня; ожидая Того, Кто творит меня”».

⁴⁵ Й. Ратцингер, «Вера – Истина – Толерантность», цит., стр. 215.

в) Вера – это метод познания

Только так вера снова может стать познанием. Вера – это метод познания! Этот драматический путь является частью уверенности, преодоления разделения между знанием и верой. История не бесполезна, обстоятельства, через которые Тайна дает нам пройти, не бесполезны – это возможность увидеть, возможность, чтобы перед нашими глазами открылось, Кто есть Тот, в Кого мы верим. Через эту историю мы познали Того, в Кого верим. Верим, как ученики, потому что мы видели, верим не из-за сентиментальности и не потому, что мы решили верить, создать веру. Мы видели Его в действии, Его дела говорят о Нем. Это преодоление разделения знания и веры. Когда мы проходили этот путь, мы видели ни с чем не сравнимые черты Его Присутствия. И это совсем не сведение веры к религиозному чувству или чувствительности!

Тот, кто принял этот вызов отца Джуссани, кто согласился пройти весь путь веры как путь познания, может засвидетельствовать это, как многие нам свидетельствуют. Что проявляется в обстоятельствах, которые должен пережить каждый? Что никто, пройдя этот путь, не может зачеркнуть опыт соответствия, который он пережил и переживает. Соответствие – это знак того, что через факты (в бесконечной череде событий, опыта и чудес) мы смогли прикоснуться к Его Присутствию среди нас (так что эти факты остались в памяти, пронизали каждую нить нашего бытия). Соответствие – для каждого отдельного человека, потому что человек может стоять на ногах только благодаря этому: это Господь каждого сердца и поэтому Господь всех. Если мы идем по пути веры как метода познания, то христианство – это факт, который никто не сможет вырвать из нас, который противостоит любому кризису, любому распаду, любому землетрясению. Более того, любой кризис, любой вызов – это возможность признать Его в действии. Это зрелище Его Присутствия в реальности, а не в наших мыслях. Это возрастающая уверенность в Нем. И поэтому возникает бесконечная благодарность Ему, Который становится таким Присутствующим в нашей жизни.

Что же оказалось прочнее всего остального, всех возможных вызовов? Эта принадлежность Ему, как свидетельствовали нам наши друзья из Аквилы: принадлежность Присутствию, Которое никто не может победить. Прочность нашей жизни зависит от отношения с этим Присутствием. Ценность нашей жизни зависит от этого отношения, от этой близости: Кто же Ты, что так заботишься о моем ничтожестве? Вот величие харизмы, которой мы принадлежим: при-

надлежность истории, опыту, состоящему из фактов, которые делают нас главными героями не в том смысле, что мы имеем власть, но признаем Присутствие, Которое отвечает, соответствует ожиданиям нашего сердца, – даже среди любых трудностей и в любых условиях. Поэтому все дано мне, чтобы признать ни с чем не сравнимые черты Его Присутствия среди нас, которые открываются не в наших мыслях, а в жизни. Понятно, почему святой Павел с благодарностью сказал: «Он избавил нас от власти тьмы и ввел в Царство возлюбленного Сына Своего, в Котором мы имеем искупление Кровию Его и прощение грехов»⁴⁶.

Поэтому мы просим: никогда не оставляй меня, постоянно удивляющее Присутствие!

СВЯТАЯ МЕССА

**ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ПРИВЕТСТВИЕ ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВА
КАРДИНАЛА СТАНИСЛАВА РЫЛКО
ПРЕЗИДЕНТА ПАПСКОГО СОВЕТА ПО ДЕЛАМ МИРЯН**

Дорогие друзья, сердечно приветствую всех: тех, кто собрался в Римини на ежегодные Духовные упражнения Братства *Comunione e Liberazione*, и тех, кто по всему миру участвует в них через спутниковую связь.

Смотря на вас, во множестве собравшихся в молитвенном молчании перед алтарем Господним, мне хочется произнести слова сегодняшнего псалма: «Блажен народ, знающий трубный зов! Они ходят во свете лица Твоего, Господи» (Пс. 88).

Отец Джуссани сказал: «Для человека Бог есть милосердие, и мир внутри нас имеет одно имя: милосердие Божие». Сохранив в сердце эти слова, признаем, что мы грешники, нищие, молящие о божественном милосердии, которое не знает ни меры, ни границ, и вместе воззовем:

Исповедую перед Богом всемогущим....

⁴⁶ Ср. Кол 1, 13-14.

ПРОПОВЕДЬ

«Вот я, пошли меня» (Ис. 6, 8)

1. Господь снова дарует вам эту важную ежегодную встречу: Духовные упражнения Братства. Это благодатный дар, поскольку Духовные упражнения есть насыщенное время возвращения к тому, что имеет существенное значение как для жизни движения, так и для личной жизни каждого из вас. Вы собираетесь в Римини ежегодно. Но, без сомнения, это не обряд повторения одного и того же мероприятия. Каждая встреча отличается от предыдущей и от последующей. Сегодня все не так, как было в прошлом году. Потому что наша личная история изменилась, стала другой. Но неистощима способность Христа настаивать нас новизной Своего Евангелия на любом этапе нашей жизни.

Таким образом, Духовные упражнения есть время молчания, позволяющего услышать Господа, который не отступает перед нашей глухотой, нашей рассеянностью, нашим безразличием и продолжает стучать в двери нашей жизни: «Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3, 20). Вслед за отцом Джуссани мы можем сказать, что настоящий главный герой Духовных упражнений – просящий: «Христос, просящий сердца человека, и сердце человека, просящее Христа» (30 мая 1998).

Это время, когда Господь укрепляет нашу надежду. Ту надежду, без которой человек не может жить, как напоминает нам Святой Отец Бенедикт XVI. Это не надежда вообще, а «великая надежда», основанная на скале, которая есть сам Христос. Но, тем не менее, она часто колеблется в испытаниях, от которых никто в жизни не избавлен. Как поддерживать пламя, которое постоянно рискует угаснуть? Где и как можно снова зажечь его? Святой Петр объясняет нам в первом чтении: «Смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время. Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас. [...] Бог же всякой благодати, [...] Сам [...] да совершит вас, да утвердит, да укрепит, да соделает непоколебимыми» (1 Пт. 5, 6-10). Вот утешительная весть: Бог печется о нас! Бог нас любит! В книге пророка Исаи Бог говорит слова, которые хорошо выражают суть этих Духовных упражнений: «Не бойся, ибо Я искупил тебя, назвал тебя по имени твоему; ты Мой» (Ис. 43, 1).

2. Сегодня Церковь празднует день святого Марка Евангелиста, двоюродного брата Варнавы, сопровождавшего Павла в его первом

апостольском путешествии и, прежде всего, ученика святого Апостола Петра, который в своем послании ласково называет его «сын мой» (1 Пт. 5, 13). Евангельский отрывок, который мы только что слышали и которая взята именно из Евангелия от Марка, призывает нас серьезно свериться с миссионерским поручением, доверенным Церкви, то есть каждому из нас, воскресшим Христом: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16, 15). Следовательно, благовествовать миру во всякое время есть основная задача Церкви, собственно, причина ее существования! Это постоянный вызов, призыв к каждому из нас, учеников Христа. Бенедикт XVI не скрывает драматичного положения Благой вести в сегодняшнем мире, даже в странах с древней христианской традицией, где распространено «уставшее», погасшее и унылое христианство, «странное забвение Бога», тревожное «молчаливое отступничество» крещенных; и поэтому они становятся настоящей почвой для миссии. Папа говорит: «Мы должны серьезно задуматься о том, каким образом мы можем осуществлять подлинную евангелизацию. Не просто новую евангелизацию, но часто - настоящую первую евангелизацию. Люди не знают Бога, не знают Христа. Распространяется новое язычество, и недостаточно пытаться сохранить существующее стадо, хотя это и чрезвычайно важно. [...] Я думаю, что все мы вместе должны стараться найти новые пути, чтобы нести Евангелие современному миру, снова возвещать Христа и утверждать веру» (Кельн, 20 августа 2005 года) К сожалению, растущий религиозный плюрализм и релятивистский менталитет, свойственный эпохе постмодернизма, сеют и на этом поле, жизненно важном для Церкви, опасное смятение. И даже в определенных церковных кругах сегодня можно услышать, что достаточно помогать людям быть в большей степени людьми или в большей степени приверженными их религиозным традициям, какими бы они ни были, не обязательно поощряя их обратиться ко Христу и присоединиться к Церкви. Все это делается во имя ложного уважения и ошибочно истолкованного поощрения свободы совести. Слова «евангелизация» и «возвещение» решительно не по нраву приверженцам этого течения мысли. В качестве альтернативы евангелизации они предпочитают говорить о «диалоге», подразумевая, что диалог ставит всех участников на один уровень и исключает критерий истины. Но таким образом совершается предательство поручения Воскресшего возвещать Евангелие «всякой твари». Мы благодарны Конгрегации вероучения, которая несколько лет назад опубликовала «Вероучительную ноту по некоторым аспектам евангелизации» (3 декабря 2007 года). Документ

содержит основополагающие разъяснения по этой теме и напоминает, что «евангелизировать означает не только преподавать доктрину, но – и более того – возвещать о Господе Иисусе словом и делом, то есть стать средством Его присутствия и действия в мире» (2). Бог – это не предлог, чтобы перейти к разговору о чем-то еще (что считается более интересным для господствующего менталитета). Бог должен снова стать сердцем христианской весты. «То, кто не дает Бога, дает слишком мало» (Послание на Великий пост 2006), - предостерегает Бенедикт XVI. И речь здесь идет не о каком-то боге, но о Боге, открывшемся в лике Иисуса Христа, Его Единородного Сына, который стал человеком ради нашего спасения. Каждый человек имеет право услышать от нас, христиан, эту благовест, чтобы получить возможность жить в полноте своим призванием. Право, которому соответствует наша обязанность благовествовать в соответствии со словами Апостола народов: «Ибо если я благовествую, то нечем мне хвалиться, потому что это необходимая обязанность моя, и горе мне, если не благовествую!» (1 Кор. 9,16). Мы, крещенные, должны снова обрести мужество и гордость от того, что мы являемся христианами и миссионерами Евангелия в нашем мире. Сегодня действительно требуется пробуждение христианского сознания! Мы не можем позволить ни различным формам нетерпимости, которые наступают даже в нашем западном демократическом обществе, ни агрессивному лаицизму, который притязает устранить Бога с горизонта человеческой жизни, запугать нас. Некоторые говорят, и не без причины, о «новом антихристианстве» и определенной «христианофобии». Но мы не можем прятаться за бездеятельным молчанием.

Мы должны переоткрыть пророческое призвание крещенных. Мы должны быть готовы, как Исайя, ответить на вопрос Господа: «кого Мне послать? и кто пойдет для Нас?» – «Вот я, пошли меня!» (Ис. 6, 8).

А истина утвердится сама. Поэтому в уже процитированной нами «Вероучительной ноте» говорится: «Честное побуждение разума и свободы человека к встрече с Христом и Его Евангелием не является непозволительным проникновением в его жизнь: это вполне допустимое предложение и услуга, благодаря которой отношения между людьми становятся более конструктивными. [...] Тот, кто возвещает Евангелие, причастен к милосердию Христа, возлюбившего нас и предавшего Себя в жертву за нас (см. Еф 5, 2)» (5, 11). Личное свидетельство и передача веры от человека к человеку, как в первых христианских общинах, остаются преимущественными способами евангелизации и в наше время. Взяв за основу просьбу эллинов к Филиппу

пу: «Нам хочется видеть Иисуса» (Ин. 12, 21), Слуга Божий Иоанн Павел II писал в начале третьего тысячелетия христианской эры: «наши современники - порой бессознательно - требуют от верующих не только “говорить” о Христе, но помочь им “видеть” Его. Разве Церковь не призвана в любую эпоху отражать свет Христа, дабы Его Лик сиял грядущим поколениям, которым суждено жить в новом тысячелетии?» (*Novo millennio ineunte*, 16). Это важное указание.

«Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16, 15). Как мы видели, в наши дни это поручение стало особенно трудным. Но все-таки нет недостатка в знаках надежды. Первый из всех – великий расцвет новых харизм, которые породили народ церковных движений. Они есть своевременный ответ Святого Духа на вызов, который мир продолжает обращать к евангелизаторской миссии Церкви. Достаточно подумать о рядах мужчин и женщин нашего времени, которые именно благодаря этим харизмам встретили Христа, открыли очаровательную красоту христианской жизни, и позволили необычайной миссионерской страсти к служению Евангелию захватить себя. Вы все – живой пример тому!

3. В завершение нашего размышления обратим взор на того, кто стал выдающимся примером для благовестников всех времен - Павла из Тарса. Церковь в разгаре празднования года святого Павла, объявленного Папой Бенедиктом XVI в память о двух тысячах лет со дня рождения Апостола народов. Все мы должны мысленно приблизиться к «пламени», которое символически горит в базилике святого Павла в Риме, чтобы снова зажглась в нас смелость веры и миссионерская страсть в мире, который отдаляется от Бога.

Где берет начало огромный миссионерский труд, совершенный Павлом? Ответ прост: у ворот Дамаска во встрече со Христом воскресшим, которая изменила жизнь Савла. Он упал с лошади, а когда поднялся с земли, злобный преследователь зарождающейся Церкви стал другим. Савл стал Павлом, учеником Христа, отважным апостолом, который однажды прольет кровь за Евангелие. Об опыте, который Павел пережил на пути в Дамаск, Святой Отец сказал: «Этот поворот его жизни, эта трансформация всего его бытия не были результатом какого-то психологического процесса, интеллектуального и нравственного созревания или эволюции, но пришел извне: обращение не было плодом его мыслей, оно совершилось в результате его встречи с Иисусом Христом. В этом смысле это было не просто обращение, созревание его «я», но смертью и воскресением для него самого: умерла одна его жизнь, и

другая, новая, родилась с Воскресшим Христом» (Общая аудиенция, 3 сентября 2008). То, что было для него важным, существенным, стало тщетою, сором (ср. Флп. 3, 8). Теперь важен только Христос и Его слово спасения, которое Павел хочет нести по всему миру. Адресатам своих посланий он напишет: «уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2, 20), «для меня жизнь – Христос» (Флп. 1, 21), «любовь Христова объемлет нас» (2 Кор. 5, 14). Его жизнь как апостола Христова была далеко не простой: «много раз *был* в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе», – пишет он (2 Кор. 11, 26-27). А на трудности апостольской жизни у него один ответ: «Я сораспялся Христу» (Гал. 2, 19), «все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (Флп. 4, 13). Таков Павел. Все в его жизни началось со встречи с Воскресшим. Не случайно Бенедикт XVI неустанно подтверждает, что «христианство не является некой новой философией или новой моралью. Мы становимся христианами, лишь если встречаем Христа» (Общая аудиенция, 3 сентября 2008). Из поколения в поколение истинные благовестники, убедительные свидетели Евангелия, рождаются именно таким образом. Сегодня вы тоже являетесь этому подтверждением.

ПЕРЕД БЛАГОСЛОВЕНИЕМ

Хулиан Каррон. Позвольте, Ваше Высокопреосвященство, от имени всех наших друзей поблагодарить Вас за Ваше присутствие среди нас, которое есть знак присутствия Святого Отца, во свидетельство современности Христа среди нас, и за то, что Вы напомнили нам, что полученная нами благодать предназначается всем, предназначается для миссии, для того, чтобы передать всем красоту, которую мы встретили.

Спасибо, Ваше Высокопреосвященство.

Кардинал Рылко. Спасибо всем вам за яркое свидетельство веры, которое вы подаете Церкви и миру каждый раз, когда собираетесь на Духовных упражнениях. Для меня лично возможность приезжать сюда и праздновать Евхаристию вместе с вами – это всегда дар, духовная подзарядка. Спасибо.

Суббота 25 апреля, день

При входе и выходе:

Людвиг ванн Бетховен, Струнный квартет ля минор, оп. 132

Quartetto Italiano

“*Spirto Gentil*” n. 49, Decca

■ ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Хулиан Каррон

Современность Христа

1. Вера определяет метод

а) То, что всему предшествует

В первой лекции, стараясь ответить на проблему разрыва между знанием и верой, мы должны были вернуться к тому, что есть христианство. Оно есть Факт, столкновение с иной и неумалимой Реальностью. Но если вера является познанием и требует постоянного использования разума, то она всегда должна оставаться перед этим присутствующим Событием, Которое бросает ей вызов. Уже в прошлом году мы сказали, что новое познание предполагает современность с Событием, Которое его порождает и постоянно поддерживает.

Поэтому мы не дадим исчерпывающего ответа на вопрос, поставленный переживаемой ситуацией, пока не ответим на другой вопрос: как пребывает, постоянно остается современным христианское Событие? Только ответив на этот вопрос, мы можем окончательно преодолеть разрыв между знанием и верой. А чтобы ответить на него, недостаточно признать то, о чем мы говорили сегодня утром (что христианство есть историческое событие). Это видно из того факта, что часто, хотя и признается, что христианство есть историческое событие, из этого исторического события остается только Библия. Так от религии события мы сразу переходим к религии книги: историю мы потеряли по пути, событие становится просто словом.

И мы прекрасно понимаем важность этого вопроса благодаря истории харизмы, которая привлекла нас. Мы тоже должны были и сейчас

должны рассматривать эту проблему. Никто из нас не сомневается, что харизма есть исторический факт, столкновение с иной человечностью, человечностью отца Джуссани. Но сейчас, когда его нет, неотложным становится вопрос, как сегодня пребывает харизма, которая привлекла нас, и у нас тоже есть искушение сказать, что она пребывает через тексты. Кроме воспоминаний об отце Джуссани, которые со временем неизбежно потеряют рельефность, самое конкретное, что у нас есть, – говорим мы, – это тексты, книги.

Конечно, книги – это бесконечное благо, постоянно напоминал нам отец Джуссани. Они всегда будут с нами как канон, как правила опыта жизни, который отец Джуссани пережил благодаря своей вере. Но если останутся только книги, рано или поздно мы окажемся в той же ситуации, что и иудеи, когда умолк голос пророков: если ты один на один с текстами, тебе остается только толковать их. И именно в этот исторический момент возникли книжники, профессора Закона, специалисты по толкованию. Мы прекрасно знаем, что это риск не просто на словах, что Школа общины может быть такой, и мы прекрасно знаем, как это может быть скучно.

Если бы такой была наша судьба, мы очень скоро осознали бы, что накрепко застряем в своих толкованиях и будем, как все. Мы не сможем понять отца Джуссани сверх нашей способности к пониманию, потому что не сможем выйти за пределы своих предположений, и на этом харизме пришел бы конец. Потому что толкования не было бы достаточно, чтобы поддерживать жизнь, чтобы заинтересовать ею.

В феврале 1984 года отец Джуссани сказал:

«Но что может позволять, чтобы пребывали [...] любовь к себе, нежность к себе и поэтому, как отблеск, как отражение, – нежность к другим, любовь к судьбе, любовь к своей судьбе и судьбе других? Что может поддерживать это? Христос как далекий исторический факт может быть прочитан как прекрасная страница литературы, может даже дать мгновенный импульс, может вызывать эмоции, пробуждать тоску, но сейчас, [...] с этой усталостью, с этой склонностью к меланхолии, с этим странным мазохизмом, который склонна поощрять сегодняшняя жизнь, или с этим безразличием и этим цинизмом [...], как можно принимать себя и других во имя слов? [...] Итак, я утверждаю, что нельзя пребывать в любви к себе самому без того, чтобы Христос был присутствием, как является присутствием мать для ребенка, который не знает, что делать. [...] Без присутствия Христа сейчас (сейчас!) я не могу любить себя сейчас и не могу любить тебя сейчас. Если Христос не воскрес, я конченное создание, даже если у

меня есть все Его слова, даже если у меня есть все Его Евангелия. Если у меня были бы только тексты Евангелия, я, в конечном счете, мог бы и убить себя, но если у меня есть присутствие Христа – нет, если есть присутствие Христа, которое я признаю, – нет!»⁴⁷.

Поэтому нам срочно нужно четко ответить на поставленный вопрос. В этом нам очень поможет текст «То, что всему предшествует». Мы увидели это сегодня утром, когда он напомнил нам, что христианство – это факт, и под этим все мы подписались бы. Но самый волнующий вопрос возникает позже: утверждать, что христианство пребывает как факт, – это великая революция. И это не решенное дело:

«Столкновение с присутствием иной человечности *предшествует* всему не только в начале, но и в любой момент, который следует за этим началом: через год или двадцать лет. Изначальному событию, столкновению с человеческой инаковостью и рождающемуся из этого изумлению предназначено быть *изначальным и порождающим событием в каждый момент развития*. Потому что нет никакого развития, если не повторяется это изначальное столкновение, то есть если событие не остается современным. [...] Поэтому порождающий фактор, неизменно, – это столкновение с иной человеческой реальностью»⁴⁸.

Поэтому к тому, что мы сказали сегодня утром, нужно добавить: современность Христа является условием не только начала, но и каждого шага на пути. Альтернатива ясна: или изначальное событие обновляется, происходит вновь, или ничего не идет вперед, не получается настоящей непрерывности, и харизме конец. Но самое важное – если оно не обновляется сейчас, то мы даже не поймем то, что произошло в начале, потому что «если человек сейчас не переживает столкновение с новой человеческой реальностью, то он не понимает, что произошло с ним тогда, раньше. Изначальное событие проясняется и углубляется, только если событие происходит сейчас снова, и таким образом устанавливается непрерывность»⁴⁹.

Если этого не происходит, мы не то чтобы ничего не делаем: «Мы тут же теоретизируем произошедшее событие и идем ощупью в поисках точек опоры, замещающих То, что на самом деле лежит в основе отличия [какой-то опоры взамен, чтобы жить, потому что слова не могут поддерживать жизнь]»⁵⁰. Что это за альтернативные основания?

⁴⁷ Ссылка на текст Equire в книге Л. Джуссани, *Qui e ora (1984-1985)*, которая готовится к печати в издательстве BUR, стр. 76-77.

⁴⁸ Л. Джуссани, «То, что всему предшествует», цит., стр. 2.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

Те же, что и у всех: «Власть, прежде всего, экономическая, уничтожение всех богов, кроме одного в тройном варианте: стяжательство, похоть и власть, – как сказал Элиот»⁵¹. Не потому что мы хуже других, но потому что это неизбежно. Если Он не присутствует и не способен привлечь всю нашу привязанность и все наше сердце, мы ищем опоры взамен Него.

Человек живет ради того, что происходит сейчас. Поэтому, если мы хотим знать, пребывает ли в нашей среде то, чему Дух дал начало много лет назад через отца Джуссани, то вот критерий, который он сам нам оставил: «Непрерывная связь с тем, что произошло в начале, осуществится [...] только через благодать постоянно нового и полного изумления столкновения, как будто в первый раз. [А если все еще не ясно, оно предлагает нам повторное испытание.] Иначе вместо этого изумления господствуют [наши] мысли»⁵². Такова альтернатива. Поэтому перед искушением свести харизму к текстам, к организации, к Школе общины Джуссани настаивает, что нет разницы в методе в начале и в продолжении, потому что вера всегда диктует метод: вера определяет метод. Это значит, что харизма пребывает в иной человечности, которая поражает нас сейчас. Именно иная человечность, которая продолжает происходить сейчас, свидетельствует, что Христос остается современным, и дает нам подтверждение, что мы следуем за отцом Джуссани так, как он учил нас. Именно это отличие делает Его присутствующим среди нас.

Отличие книжников и христианства мы живо видим в эти дни Пасхального времени, потому что пребывают не слова, не тексты, которых, к слову сказать, тогда еще не было, – пребывает Его Присутствие, которое продолжает в настоящем то, что было в начале. А что было в начале? Все Евангелия подтверждают отличие Христа и книжников, так что все были поражены этим отличием: «И дивились Его учению, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники»⁵³. И ниже: «И все ужаснулись, так что друг друга спрашивали: что это? что это за новое учение, что Он и духам нечистым повелевает со властью, и они повинуются Ему?»⁵⁴. Не так, как книжники. Он учил их со властью, а не как книжники. Как пребывает это отличие? Как потрясающе открывать то, что ежедневно происходит в Литургии! Цер-

⁵¹ L. Giussani, *Avvenimento di libertà*, Marietti, Genova 2002, p. 188.

⁵² Л. Джуссани, «То, что всему предшествует», цит., стр. 3.

⁵³ Мк 1,22.

⁵⁴ Мк 1,27.

ковь предлагает нам читать Деяния Апостолов, где рассказывается о фактах, чудесах, о пребывающей иной человечности, об изменениях, происходящих с людьми; и в то же время предлагает нам рассказы из Евангелия о явлениях Христа воскресшего. Это те события, которые взаимно друг друга освещают: Церковь как будто говорит, что настоящее, реальное воскресение можно увидеть не только в явлениях Христа (которые вовсе не являются галлюцинациями апостолов). Мы не должны придерживаться только фактов, думая, что они никак не связаны с Христом воскресшим. Поэтому Церковь рассказывает нам и о явлениях Христа апостолам, чтобы вы увидели, что факты, о которых вы слышите, есть подтверждение Его Присутствия. Какое воспитание ежедневно предлагает нам Церковь! Слова отца Джуссани есть не что иное, как подтверждение того, чем является христианство.

Тогда мы можем лучше понять важность названия Упражнений «Вера определяет метод» с методологической точки зрения, потому что единственная возможность не поддаться и не стать книжником, не поддаться толкованиям – непрерывное пребывание Христа во времени, Его современность: либо христианство является событием в каждый момент, либо это больше не христианство. Мы говорили бы о чем-то другом, потому что Писания (Деяния Апостолов, Евангелия) остаются каноном того, чем всегда будет христианство: если не так, то это не христианство, даже если мы используем те же слова.

То же самое происходит в нашей среде. После смерти отца Джуссани мы могли бы подумать, что у нас останется только воспоминание о нем или его тексты. Но каждый из нас видит, что происходит: свидетели и факты. И таким образом отец Джуссани пребывает и продолжает сопровождать нас, рождая нас как детей, так что сегодня мы чувствуем, что он нам отец, как никогда. Вовсе не только тексты, вовсе не просто воспоминание! Все это не может и не должно означать, что можно презирать, обесценивать или опустошать прошлое, которое привело меня к этому моменту. Оно входит в единый замысел. Харизма отца Джуссани живет сегодня благодаря силе Духа, но личность отца Джуссани не осталась в прошлом.

Осознавая это, мы можем подойти к коварному вопросу, который снова и снова возникает в нашей среде. В вопросе «Как это пребывает?» часто заключена неуверенность. На самом деле вопрос «Как это пребывает?» для нас означает: «Как я могу сделать так, чтобы это пребывало?», «Как я могу сделать так, чтобы пребывало захватившее меня событие?». Например, во время встречи преподавателей, чтобы объяснить выражение: «Как это пребывает?», многие использовали

вопрос: «Как сделать так, чтобы это пребывало?». Но это не один и тот же вопрос! Отец Джуссани жил, никогда не задаваясь вопросом: «Как сделать так, чтобы это пребывало?». Вот она, наша неуверенность. Меня поразили один факт, который сначала ускользнул от меня, когда я читал текст «То, что всему предшествует». Если вы внимательно прочитаете этот текст, то увидите: в отце Джуссани нет и следа этого беспокойства. В отце Джуссани вопрос «как это пребывает?» исходит из уверенности, это как помощь нам, чтобы понять: «Смотрите, как оно пребывает!», не как слова, не как организация, а как событие изменившейся человечности. И он неустанно повторяет, что метод всегда один и тот же – столкновение с иной человечностью, совершенно не заботясь о том, что является нашей главной заботой: «Как мне сделать так, чтобы оно пребывало?». Настойчивость на этом вопросе снова показывает нам, что мы неуверенны, что мы не поняли, что именно произошло, что для нас вера не является путем познания, что еще есть разрыв знания и веры. Мы продолжаем думать, что мы порожаем изумление, что дело держится на нас, что мы должны беспокоиться об этом.

Христос воскресший сам позаботится о том, как пребывать! Это не наша проблема. Нам надлежит признавать Его каждый раз, когда событие Христа происходит в нашей жизни. Поэтому переживаемое таким образом христианство есть нечто головокружительное. И оно постоянно бросает вызов нашей свободе через присутствующую инаковость. Эта инаковость есть благо, есть знак предпочтения Христа в отношении нас, а не то, от чего нужно защищаться. Современность Христа является вызовом для каждого, ставя нас перед альтернативой: или уцепиться за уже известное (глядя на прошлое как на идол), иначе говоря, остаться во власти каких-то текстов или мыслей, или быть открытым к непредвиденному так, как оно происходит сейчас, выражая готовность следовать за тем, что Христос творит сегодня (всегда новому способу Его проявления). Это настоящее решение, потому что часто есть страх перед новизной. Но мы, друзья, – скажем начистоту – чаще всего защищаемся от новизны. Когда что-то движется, когда на горизонте показывается новизна, мы сразу отступаем. Но это и есть Христос: новизна в каждый день жизни. Поэтому нет более точного описания альтернативы, перед которой мы находимся, чем притча о двух братьях:

«И когда пришел Он в храм и учил, приступили к Нему первосвященники и старейшины народа и сказали: какою властью Ты это делаешь? и кто Тебе дал такую власть? Иисус сказал им в ответ: спрошу и Я

вас об одном; если о том скажете Мне, то и Я вам скажу, какою властью это делаю; крещение Иоанново откуда было: с небес, или от человеков? Они же рассуждали между собою: если скажем: «с небес», то Он скажет нам: «почему же вы не поверили ему?» А если сказать: «от человеков», — боимся народа, ибо все почитают Иоанна за пророка. И сказали в ответ Иисусу: не знаем. Сказал им и Он: и Я вам не скажу, какою властью это делаю». [И прибавляет эту притчу]. «А как вам кажется? У одного человека было два сына; и он, подойдя к первому, сказал: «сын! пойдя сегодня работай в винограднике моем». Но он сказал в ответ: «не хочу»; а после, раскаявшись, пошел. И подойдя к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: «иду, государь», и не пошел. Который из двух исполнил волю отца? Говорят Ему: первый. Иисус говорит им: истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие. [Что это значит? Он обращается к первосвященникам и старейшинам, а это те, кто в начале сказали «да», а потом сказали «нет» Христу. А другие сказали «нет», они всегда чихали на закон, но пред Ним они сказали «да».] «Ибо пришел к вам Иоанн путем праведности, и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и видев это, не раскаялись после, чтобы поверить ему».⁵⁵

Для нас, как и для этих первосвященников, существует такой риск. Мы должны принять решение, потому что мы, как и они, можем подумать: «Мы уже знаем путь. Почему мы должны верить этому Человеку?». Или мы можем быть перед происходящим как мытари, потому что пережитая нами история привела нас сюда, чтобы научить находиться перед происходящей сейчас Тайной, которая сейчас идет нам навстречу. Если мы не расположены к тому, что происходит сейчас, то наша история вместо помощи делается для нас препятствием, потому что в нас господствует обладание, а не открытость. Поэтому становится понятной важность призыва Христа:

«В то время, продолжая речь, Иисус сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам; ей, Отче! ибо таково было Твое благоволение. Все предано Мне Отцом Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть. Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и *найдете покой* душам вашим; Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко»⁵⁶.

⁵⁵ Мф 21, 23-32.

⁵⁶ Мф 11, 25-30.

Простые люди и есть те, кто действительно знает; настоящие мудрецы – это те, в ком прошлое вырастило плод открытости, научило находиться перед событием, которое происходит сейчас. Поэтому проверка этого прошлого всегда осуществляется в настоящем. Но открыт ли я к тому, каким образом Тайна, харизма является передо мной сейчас? Это подлинный вызов, который бросает нам отец Джуссани: Тайна пребывает таким же образом – через иную человечность, которая происходит сейчас. Мы открыты к этому?

б) Не толкователи, но свидетели

Поэтому осознание метода веры дает нам понять, что мы нуждаемся не в толкователях, а в свидетелях: нам не нужно, чтобы кто-то объяснил нам, но чтобы кто-то засвидетельствовал нам изменение, которое происходит сейчас. Иначе мы застряем в наших мыслях. Как мы видели в течение этих месяцев, мы можем упасть, даже делать Школу общины вопреки тому методу, который содержится в Школе общины.

«Наиболее важный аспект Школы общины – тот, кто «учит», тот (или те), в ком первое столкновение обновлялось бы и расширялось бы, становясь исходной точкой, чтобы и в других повторилось первое изумление. Нужно, чтобы тот, кто ведет Школу общины, передавал опыт, в котором обновлялось бы изначальное изумление, а не просто играл некоторую роль или исполнял «задачу». Если ведущий исходит из того, что он играет роль, что находится в доминирующем положении или имеет превосходство [именно, как книжники], если притязает учить, то невозможна никакая передача опыта. Потому что учит только Дух Божий: Дух дает первый толчок и обновляет его. Тот, кто, ведя Школу общины, сообщает опыт, в котором вновь происходит изначальное изумление, тот сообщает его, давая отчет в использовании слов»⁵⁷. Все это потому, что в христианстве содержание и метод совпадают, как недавно подтвердил Бенедикт XVI: «В тайне воплощения Слова, то есть в том факте, что Бог стал человеком, заключается как содержание, так и метод христианской вести»⁵⁸. И это могло бы стать ответом на потребность тех, с кем мы встречаемся. Потому что таким образом мы тоже можем стать свидетелями, только это делает христианство присутствующим как событие сегодня для всех. В Евангелии эта динамика описывается *en passant*, вскользь. «Приблизались

⁵⁷ Л. Джуссани, «То, что всему предшествует», цит., стр. 5-6.

⁵⁸ Бенедикт XVI, *Участникам Пленарного заседания Конгрегации по делам клира*, 16 марта 2009 г.

к Нему все мытари и грешники слушать Его»⁵⁹. Иисус был таким благодаря всепобеждающей привлекательности: они не удалялись, а приближались. Если подумать, это покажется банальностью, но в этом-то все дело. Из-за того, как Он заявлял о Себе, жил, находился в реальности, люди приближались к Нему. Кажется, это ничто, росточек, но в этом был источник того отличия, которое достигло этого момента, каждого из нас. Его Присутствие пребывает в истории через тех, кто живет так, в чьем образе жизни есть такая привлекательность. Второй Ватиканский Собор говорит о свидетеле именно таким образом: «В жизни тех, кто, разделяя с нами наше человеческое естество, совершеннее преобразуется в образ Христа [...], Бог живо являет людям Свое Присутствие и Свой лик. В них Он Сам обращается к нам и дает нам знамение Царства Своего, к которому мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей [...] и такое подтверждение истины Евангелия, влечёмся сильнее»⁶⁰. Вот так говорится о свидетеле, о том, кто реализует в жизни сказанное в Евангелии. Как рассказывается в прекрасных свидетельствах книги «Свободные» Джованни Парравичини: об одном человеке, которого переводили из одной тюрьмы в другую, потому что через какое-то время в христианство обращались даже охранники. Или представьте судью-коммуниста, который отдал свою мать в учреждение наших друзей, потому что «так, как вы относитесь к людям, не относится больше никто». Или буддисты-китайцы, которые, изумленные красотой жизни христиан, просят совершить погребение в церкви. Это свидетельство в настоящем об этой привлекательности и том, как она пребывает. Пеги дал нам непреходящее описание христианского метода: «Но пришел Иисус. Ему было отпущено три года. Он использовал Свои три года. Но Он их не потерял, не употребил их на то, чтобы стенать и ссылаться на дурное время. [...] Он это остановил. И как просто. Создав христианство. Он никого не заклеил, не обвинил. Он спас»⁶¹.

в) Следование и послушание

Условие, чтобы стать свидетелем, – следование, потому что свидетель – это тот, кто следует за происходящим. Это поражает, когда читаешь или слышишь Деяния Апостолов. После исцеления хромого Петра и Иоанна привели в Синедрион. «Тогда Петр, исполнившись

⁵⁹ Лк 15, 1.

⁶⁰ Второй Ватиканский Собор, *Lumen Gentium*, 50.

⁶¹ Ш. Пеги, «Избранное». «Русский Путь», Москва, 2006, стр. 73.

Духа Святого, сказал им: начальники народа и старейшины Израильские! Если от нас сегодня требуют ответа в благодеянии человеку немощному, как он исцелен, то да будет известно всем вам и всему народу Израильскому, что именем Иисуса Христа Назорея, Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мертвых, Им поставлен он перед вами здрав»⁶². Когда старейшины пытаются запретить им говорить это, Петр и Иоанн не отступают: «И, приказав им выйти вон из синедриона, рассуждали между собою, говоря: что нам делать с этими людьми? Ибо всем, живущим в Иерусалиме, известно, что ими сделано явное чудо, и мы не можем отвергнуть сего; но, чтобы более не разгласилось это в народе, с угрозою запретим им, чтобы не говорили об имени сем никому из людей. И, призвав их, приказали им отнюдь не говорить и не учить о имени Иисуса. Но Петр и Иоанн сказали им в ответ: судите, справедливо ли пред Богом – слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали»⁶³.

Что значит для них «слушать»? Признавать то, что они видели и слышали, – не «быть лучше», но признавать то, что они видели и слышали, что Бог творил среди них. Ученики продолжали участвовать в событии Христа через то, что происходило в современный им момент. Чудо свидетельствовало, что Христос оставался присутствующим, но по-другому: через чудо, а не через Его земное присутствие и не через явление. И поразительно, насколько ученики были готовы признать Его в действии. Как сказал отец Джуссани: «Нужно «То, что всему предшествует», и все вышеперечисленное является лишь орудием для его развития. Нужно, чтобы вновь произошло то, что произошло [...] в начале: не «так», как произошло в начале, но «то», что произошло в начале: столкновение с иной человечностью, в которой обновляется само событие, которое привело их в движение в начале»⁶⁴. Только так, следуя, мы в настоящем продолжаем быть свидетелями тому, что происходит сейчас.

«Компания может существовать только как послушание. [...] Компания состоит не из ведущего – компания состоит из Духа, который воспламенен в сердце каждого, и ребенок может быть богаче меня, но [осмеливается он сказать] ведущий – это я»⁶⁵. Нас не должны смущать эти слова отца Джуссани, потому что он сразу же пресек всякое иску-

⁶² Деян 4, 8-10.

⁶³ Деян 4, 15-20.

⁶⁴ Л. Джуссани, «То, что всему предшествует», цит., стр. 4.

⁶⁵ L. Giussani, *Uomini senza patria (1982-1983)*, op. cit., p. 110.

шение «персонализма» в понимании послушания («персонализм» – беда человеческих организаций любого типа), объяснив нам, что следование есть следование не за человеком, но за опытом, который переживает этот человек. Это делает нас свободными от человека, которого мы слушаемся.

2. Цветок надежды

Поэтому знак преодоления разрыва знания и веры – достижение уверенности, которая способна стать опорой для жизни. И это видно из того, что есть надежда. «Если вера – это признавать несомненное Присутствие, если вера – это признавать Присутствие с уверенностью, то надежда – это признавать уверенность в отношении будущего, которое рождается из этого Присутствия»⁶⁶. Из веры, как цветок, рождается надежда. В нашей среде – множество знаков надежды, но с самого начала работы на Школе общины проявилась двусмысленность ее восприятия. Многие выступления на Школе общины показали, что надежда понимается как наша способность, результат наших ресурсов, так что как только мы осознаем, что больше не выдерживаем, надежда рушится, потому что точка опоры – это я сам. Видите? Мы используем Школу общины против того, о чем свидетельствует Школа общины. Поскольку книга Школы общины не может протестовать против умаления, которому мы ее подвергаем, нужны свидетели, которые могут бороться против этого умаления. Без этого, когда наш потенциал рушится, остается только «кто знает?», потому что «граница природной уверенности упирается в вопрос: “Кто знает?”»⁶⁷. Верно то, что сказал Пеги: «Чтобы надеяться [...], нужно получить великую благодать!»⁶⁸. Поэтому надежда является проверкой веры: получили ли мы благодать веры, то есть признали ли мы несомненное Присутствие.

В день Пасхи Папа напомнил нам:

«От всего сердца выражаю вам пасхальные поздравления словами святого Августина: «*Resurrectio Domini spes nostra*, воскресение Господа – наша надежда» (Св. Августин, *Проповедь* 261, 1). Этим утверждением великий епископ объясняет своим верным, что Христос

⁶⁶ Л. Джуссани «Можно ли жить так?», цит., стр. 157.

⁶⁷ Там же, стр. 196.

⁶⁸ Ch. Péguy, *I Misteri*, Jaca Book, Milano 1978, p. 167.

воскрес, чтобы мы, обреченные на смерть, не отчаивались, думая, что со смертью жизнь заканчивается. Христос воскрес, чтобы дать нам надежду. [...] Следовательно, воскресение – это не теория, но историческая реальность, открытая человеком Иисусом Христом через Его «Пасху», Его «переход», который показал новый путь между небом и землей (ср. Евр 10, 20). Это не миф и не мечта, это не видение и не утопия, это не сказка, но уникальное и неповторимое событие: Иисус из Назарета, сын Марии, Который на закате дня в пятницу был снят с креста и положен во гробе, победоносно восстал из могилы. На заре первого дня недели после субботы Петр и Иоанн нашли гроб пустым, Магдалина и другие женщины встретили Иисуса воскресшего, Его узнали два ученика из Эммауса в преломлении хлеба, Воскресший явился Апостолам вечером в горнице Тайной вечери и многим другим ученикам в Галилее. [...] Факты таковы, что если бы Христос не воскрес, то «пустоте» было бы суждено получить преимущество. Если убрать Христа и Его воскресение, для человека нет спасения, и от всякой его надежды останется иллюзия»⁶⁹.

Если мы не можем по-настоящему познать, что Христос воскрес, если мы не можем победить разрыв между знанием и верой, то нет возможности для надежды. Если нет этого познания реальности, воскресения как реального факта, подтвержденного изменением, которое мы можем видеть сейчас, как могли его видеть те, кто встретил Петра и Иоанна, то нет возможности для надежды.

Только потому что Христос воскрес, потому что Он есть, мы можем ответить сейчас на великий вопрос: «Будут ли удовлетворены эти желания? В этом весь вопрос. Эти желания, созданные в соответствии с потребностями сердца [желанием бесконечного], обязательно будут задействованы [...] только в той степени, в которой ты полностью предаешься, полностью доверяешься Присутствию, на которое указывает вера [Присутствию Христа воскресшего]»⁷⁰. Это означает, что мое желание исполняется только в той мере, в какой я доверяюсь Присутствию, которое признала вера. Потребности сердца говорят нам, что его объект есть, но наше сердце не может поддерживать уверенность, что это осуществится; уверенность, что это осуществится, может дать только Присутствие, признанное через веру. Это не мы, но Он, исключительное Присутствие, которое признает вера. Поэтому форма ответа на желание каждого из нас – сам Христос: Христос – единственная

⁶⁹ Бенедикт XVI, *Urbi et Orbi*, Пасха 2009 г.

⁷⁰ Л. Джуссани «Можно ли жить так?», цит., стр. 166.

надежда на завершение нашей привязанности. Он один, только Он способен исчерпать, действительно дать удовлетворение привязанности, желанию счастья внутри нас; ничто другое не способно дать нам настоящего удовлетворения. Поэтому надежда есть завершение привязанности. Все люди горят желанием, но как трудно найти того, кто скажет: «Боже! Ты Бог мой, Тебя от ранней зари ищущу я; Тебя жаждет душа моя, по Тебе томится плоть моя в земле пустой, иссохшей и безводной»⁷¹. То есть того, кто осознает, что только Он способен исполнить это желание. Поэтому нужно радоваться Христу, тому, что Христос есть. Отец Джуссани говорит, что «первое, в чем вы должны помочь друг другу, – радоваться очевидности того, что существует конечный элемент счастья, который стал человеком, то есть Христом, тому, что Христос есть»⁷². Кто может по-настоящему радоваться Ему? Тот, кто осознает истинную природу желаний сердца (как мы сказали сегодня утром).

Но одна из самых больших трудностей, которые мы встретили в Школе общины, – слова о «неизбежной неуверенности». Отец Джуссани, который не скрывает от нас ничего из человеческого пути, утверждает, что «уверенность веры порождает уверенность надежды, однако само то, как именно пробуждается в нас эта уверенность надежды, оставляет как бы пошатывание, волнение, как бы сомнение, которое не есть сомнение, а неуверенность, потому что невозможно вообразить, невозможно никак представить себе, каким будет это будущее»⁷³. Поэтому возникает эта неизбежная неуверенность, потому что есть переход, расстояние между тем моментом, когда во встрече с Присутствием возникает надежда, и моментом ее свершения. Мы слышали в песне «Монолог Иуды»: «Дни шли, а Его Царство не приходило. Я все Ему отдал, а Он предавал меня»⁷⁴. Иуда по-своему представлял, как Христос должен исполнить ту надежду, которую зародил в нем. «Но только мой Господь знает, когда это произойдет»⁷⁵, – пели мы.

Поэтому альтернатива – довериться или самим искать решение. «В то время как жизнь, которая предается силе судьбы, открывшейся во Христе, которая предается силе Христовой, – это жизнь, в которой господствует тихая радость [...] Отсутствие отдачи себя в Его руки и отсутствие уверенности приводит только к жалобе. Но это не жалобы страдающего

⁷¹ Пс 62, 2.

⁷² L. Giussani, *Affezione e dimora*, BUR, Milano 2001, p. 38.

⁷³ Л. Джуссани «Можно ли жить так?», цит., стр. 174.

⁷⁴ C. Chieffo, «Il monologo di Giuda», in *Canti*, Cooperativa Editoriale Nuovo Mondo, Milano 2002, p. 205.

⁷⁵ C. Chieffo, «Il seme», *Песенник*, стр. 159.

ребенка, раздирающие сердце, это жалобы, которые воспаляют сердце и уши того, кто их слышит, отягощают жизнь всех, кто нас окружает, и наша жизнь остается неким приговором для других, даже для других: [...] жизнь-жалоба»⁷⁶. Мы должны решить, довериться ли этому признанному верой Присутствию, исполняющему желание, обещание в соответствии с замыслом, который не является нашим замыслом, или жаловаться. И в этом мы должны сопровождать друг друга и помочь друг другу.

Но как?

«Место этого события [события надежды] – церковная компания. «Церковная» означает, что люди собираются вместе ради этого, ради Христа. Наша компания – это только дружба»⁷⁷. Но будем внимательны к тому, как отец Джуссани понимает отношение между этой компанией и нашей человеческой вовлеченностью:

«Уверенность в том, что ты встретил, или разумна: в ней есть осознание ее причин, ее ценности, того, что она говорит и чего стоит, или неразумна: нет осознания ценности слов, нет понимания. В этом случае ты боишься будущего. [Видите? Если не понятно, если вера не является познанием, человек боится будущего.] Я говорил об этом, когда сравнивал компанию с утопией. Если ты переживаешь компанию как утопию [...], то ты боишься будущего: «Кто знает!», «Кто знает, осуществится это или нет». Если же ты переживаешь компанию как признанное место [внимание!], где разум и свобода находят свою защиту, поддержку, бурное развитие – тогда нет, наоборот!»⁷⁸. Тогда страх не побеждает. Компания не может стать для нас избавлением от разума и свободы – она должна быть местом, где они находят свою защиту, поддержку. «Если смотреть на компанию как на место отношения со Христом, тогда компания делает тебя уверенным. Если не смотреть на нее так, она оставляет тебя бедным заблуждающимся человеком: утопия. Сейчас, в общем бедствии, в общей путанице, при недостатке уверенности, сегодняшнем недостатке положительности, недостатке идеалов, в сегодняшней сухости единственное, что может вообразить человек и что могло бы дать ему утешение – собраться вместе. Как сказал Элиот: «Прижаться друг к другу». В произведении Элиота «Камень» звучит вопрос: «Зачем вы живете городом? Вы прижались друг к другу», так что животное тепло немного смягчает холод незначительности жизни»⁷⁹. Можно быть вместе

⁷⁶ Л. Джуссани «Можно ли жить так?», цит., стр. 193.

⁷⁷ L. Giussani, *Si può (veramente?!) vivere così?*, op. cit., p. 267.

⁷⁸ *Ibidem*, p. 286.

⁷⁹ *Ibidem*, p. 287.

так, что это будет неправильно, несообразно. Поэтому мы должны быть вместе, чтобы помочь друг другу в этом, в этом признании, в этой защите разума, позволяющей преодолеть разрыв знания и веры, чтобы каждый пришел к уверенности, что начавший в нем «доброе дело будет совершать его даже до дня Иисуса Христа»⁸⁰.

3. Культура и миссия

Но – я остановлюсь на этом буквально на минуту, а завтра утром мы к этому вернемся – окончательное преодоление разрыва между знанием и верой – в том, каким образом мы понимаем, что значит для нас культура. Если вы хотите понять, является ли в вас вера истинным познанием, преодолен ли разрыв между знанием и верой, достаточно посмотреть, как мы входим в реальность, смотрим на вещи, строим со всем отношения. Этот взгляд на вещи и обстоятельства есть то, что мы называем культурой, – это та точка зрения, исходя из которой, мы переживаем все. Поэтому культура есть проверка того, побежден ли раскол знания и веры. Если дуализм знания и веры в том, как человек смотрит на жену, на болезнь, на кризис, на работу, остается, это означает, что мы, как все. Если в этом взгляде господствует пришедшая с верой новизна, то жизнь становится совсем другой.

«Культура может рождаться только из вкуса к жизни. [...] Мы творим культуру Движения «Comunione e Liberazione», христианскую культуру, новую культуру [...] исключительно в той мере, в которой расцветает наш опыт жизни. Это вопрос прежде всего не эрудиции, нового содержания или создания странных новых образов – это вопрос осознания [которое выражается во всем, к чему мы имеем отношение]».⁸¹ Поэтому, «чтобы свидетельствовать миру, чтобы жить миссией, нужно показать, что мы изменились. Нет другого способа»⁸².

Закончу словами Пеги: «Бог нуждается в нас. Бог нуждается в Своем создании. Он, так сказать, обрек Себя на это. Ему не хватает нас, не хватает Его создания. Тот, Кто есть все, нуждается в том, кто есть ничто. Тот, Кто все может, нуждается в том, кто не может ничего. Тот, Кто есть все, есть ничто без того, кто есть ничто»⁸³.

⁸⁰ Флп 1, 6.

⁸¹ L. Giussani, *Dall'utopia alla presenza*, BUR, Milano 2006, pp. 33-34.

⁸² L. Giussani, *Affezione e dimora*, op. cit., p. 133.

⁸³ Ch. Péguy, *I Misteri*, op. cit., p. 233.

Воскресенье 26 апреля, утро

При входе и выходе:

Вольфганг Амадей Моцарт, Большая Месса до минор, К 427

Herbert von Karajan – Berliner Philharmoniker

“Spirto Gentil” n. 24, Deutsche Grammophon

Отец Пино. Мы не знаем, как это произошло две тысячи лет назад, в какой час, в каком уголке дома Богородицы, но в нашем ничто, в нашей потребности в смысле, истине, привязанности, положительности мы смиренно уверены, что сейчас происходит то, что началось в то мгновение. Происходит не «так», как произошло, а «то», что произошло.

Ангелус

Утренняя молитва

■ АССАМБЛЕЯ

Давиде Проспери. Вопросов было много, и большая часть их сходилась на трех основных проблемах: первая – что такое соответствие, вторая – просьба глубже рассмотреть вопрос, который несколько раз затрагивался в обеих лекциях, – недостаток человечности, третья – труд аскезы. Конечно, это вызывает удивление, потому что, если подумать о пути, который мы проделали в течение этих лет, постоянно делая упор на «я», возникает вопрос: почему мы продолжаем не понимать?

Начну сразу с первого вопроса. «Мы поняли, что не является соответствием, мы догадались, что если мы инстинктивно чувствуем соответствие чего-либо, то это должно быть подвергнуто суждению, чтобы стать опытом. Тогда что же такое соответствие?»

Хулиан Каррон. Подробнее остановимся на объяснении, что такое опыт, потому что, если мы не потратим времени, чтобы понять это, у нас не будет инструмента для прохождения человеческого пути. Именно отсюда проистекают все те же неудачи в том, как мы работаем на Школе общины, как мы живем. То есть все бесполезно, потому

что если мы не выносим суждения обо всем, что переживаем (и непонятно, как выносить суждение, не видя соответствия), то мы не продвигаемся на человеческом пути.

Я помню, что это для меня было, возможно, самым значительным вопросом при встрече с Движением, которое давало мне в руки инструмент, позволяющий идти по моему человеческому пути. Без этого даже нельзя понять, что такое вера. Поэтому уделим время, чтобы снова начать отсюда, ведь это не последнее примечание с последней страницы двадцатой книги отца Джуссани! Это начало «Пути» («Религиозное чувство»): что такое опыт⁸⁴.

Итак, вооружившись подобающими техническими средствами, начнем: вернемся в школу, друзья!

ОПЫТ

Опыт, – говорит нам отец Джуссани (как мы услышали вчера), – мы обычно сводим к понятию «испытывать». Судя по вопросу, мне кажется, ясно: чтобы нечто было опытом, недостаточно просто испытать это.

ИСПЫТАТЬ

Я приводил своим студентам такой пример: представьте, что мы изучаем решение определенного типа математических задач, и учитель, объяснив, как их решать, дает домашнее задание. Помните, как вы делали в детстве? Вы приносили задачу домой и пытались найти решение. И когда вы заканчивали решение, были ли вы уверены, что решили задачу правильно? Конечно, нет. А если вы решали пять раз вместо одного, были ли вы уверены, что в пятый раз задача решена лучше, чем в первый? Нет. А если повторяли двести тысяч раз? Нет. Что это значит? Что, если я только лишь пробую, то есть совершаю двести тысяч попыток решить задачу, я не уверен, что чему-то научился.

Жизнь может стать такой чередой попыток, проб, из которых мы ничему не учимся. Понимаете, почему отец Джуссани так настойчив?

⁸⁴ Ср. Л. Джуссани, «Религиозное чувство», цит., стр. 5-15.

Если мы останавливаемся только на переживаемом, мы ничему не учимся в жизни, не приобретаем опыт.

Чтобы переживаемое стало опытом, нужно – второй фактор – вынести суждение.

ИСПЫТАТЬ + ВЫНЕСТИ СУЖДЕНИЕ

Продолжим наш пример: мы возвращались в школу и сравнивали свои попытки с тем решением, которое учитель писал на доске. Так мы могли сравнить нашу пробу (нашу попытку) с точным ответом. Без суждения я не понимаю, не могу быть уверен.

Пока ясно? Тогда понятно, почему отец Джуссани настаивает, что мы не можем ничему научиться, не можем действительно приобрести опыт, если останавливаемся только на переживаемом и не выносим суждение о том, что мы переживаем.

Но чтобы вынести суждение, очевидно, нужен критерий суждения.

КРИТЕРИЙ СУЖДЕНИЯ

Кто давал нам критерий суждения в нашем примере? Учитель.

Здесь возникает важный вопрос, который рассматривает отец Джуссани: существует ли такой учитель, который может дать мне критерий суждения для того, что я переживаю в жизни? Если есть какой-то гуру, притязавший на подобное, он самонадеян и просто издевается надо мной. Как если бы он сказал: «Бедненький, ты не понимаешь, сейчас я тебе объясню». Вот что происходит, когда мы доверяем критерий суждения кому-то другому. Если мы доверяем критерий суждения кому-то другому, то мы становимся рабами другого, мы, – объясняет отец Джуссани, – отчуждаемся. И поэтому можно защищать человека, можно защищать все права человека, все, что хотите, но если мы отбираем у человека критерий суждения, мы отбираем у него достоинство. Мы как будто говорим ему: «Ты дурак, сейчас я тебе объясню». И в нашей среде можно вести себя таким образом: «Ты не понимаешь, сейчас я тебе объясню». Так не пойдет, потому что так мы навсегда останемся детьми, отчужденными: мы всегда должны будем спрашивать у начальства. Мне такое Движение не нужно! Потому что это противоречит критерию суждения с первой страницы «Пути», понимаете? То есть противоречит тому, что предложил нам отец Джуссани.

Каков критерий суждения? Критерий суждения не может быть вне нас, потому что иначе мы отчуждаемся. Итак, первая характеристика критерия суждения – он внутри нас.

КРИТЕРИЙ СУЖДЕНИЯ

- внутри нас

Я приведу примеры, так всем станет понятно.

Предположим, из-за несчастного случая Давиде наложили гипс. Он идет к врачу и говорит: «Доктор, гипс меня беспокоит, мне очень больно». Врач ему отвечает: «Он тебя не беспокоит. Невозможно, чтобы он тебя беспокоил: я лауреат Нобелевской премии по гипсу! Невозможно, чтобы он тебя беспокоил». И что, Давиде вернулся бы домой и сказал: «Он меня не беспокоит. Это лауреат Нобелевской премии по гипсу, он меня не беспокоит»? Я, может, и глупец, но я знаю, когда гипс меня беспокоит, понимаете? Критерий внутри меня, а не в каком-то гуру или специалисте вне меня. Так что, если он продолжает настаивать, я иду к другому врачу! Разве кто-то другой решает, что у меня болит, или хоть я, может, и глупец, но с этим справлюсь?

Можно возразить: «Ну, пример про гипс простой, тут все понятно, а вот как быть со свободой?». Если кто-то пришел бы ко мне и сказал, что свобода состоит в том, что я должен сидеть в тюрьме весь остаток жизни, потому что на последнем конгрессе так постановили величайшие гении вселенной, я что, пошел бы в тюрьму? Знаем ли мы все, что такое свобода, или отправимся в тюрьму, потому что так решили специалисты?

И так можно приводить примеры до ночи.

Критерий внутри нас.

Но тогда (и здесь начинается вторая характеристика), тогда каждый решает сам по своему усмотрению? Нет. Критерий суждения внутри нас, но не мы его устанавливаем.

КРИТЕРИЙ СУЖДЕНИЯ

- внутри нас
- но не мы его устанавливаем

Критерий суждения устанавливаем не мы. Мы не устанавливаем (я всегда привожу этот пример) даже размер своей обуви. Критерий – ботинки, которые мне подходят – внутри меня, но не я его уста-

наливаю. Если бы мы могли устанавливать его, представьте себе, как можно было бы сэкономить во время распродаж (но скидок не было бы, потому что каждый мог бы подогнать критерий суждения)! Нам смешно, но это так. Так очевидно, что не мы устанавливаем его, что мы должны подчиниться тому критерию, который обнаруживаем внутри себя: нет другого размера, кроме того, который мне подходит. Поэтому критерий внутри меня, в моей ноге, так что, когда я надеваю малую обувь, нога кричит: «Не то!». «Не то» – это суждение. Это объективно, или это устанавливаем мы? (Кто-то сказал мне, что решает обувь: «Я куплю дешевые ботинки, а потом, может, они разносятся»; замечательно, мы так запутались, что дошли до такого безумия!) Критерий суждения внутри нас, но не мы его устанавливаем, – он объективен.

А что это за критерий внутри нас, но который устанавливаем не мы, критерий для того чтобы сталкиваться со всем и приобретать опыт, то есть выносить суждение о том, что мы переживаем? Отец Джуссани назвал его исходным опытом: совокупность потребностей и очевидностей, которые составляют наше человеческое лицо (потребность в истине, справедливости, любви, счастье).

ИСХОДНЫЙ ОПЫТ
совокупность потребностей и очевидностей
(истина, справедливость, любовь и счастье)

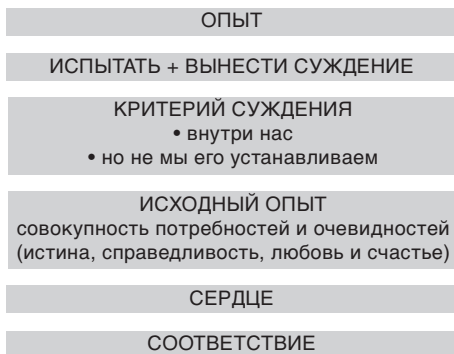
Мы можем кратко назвать его библейским понятием «сердце», обозначающим не просто чувство, к которому сводится значение этого слова в обыденном словаре, а совокупность разума и привязанности. Именно это отец Джуссани понимает под словами «совокупность потребностей и очевидностей».

СЕРДЦЕ

Этот критерий – исходный опыт – объективен. И здесь каждый должен найти примеры в своем опыте. Сколько раз человек думал: если я смогу найти эту работу или (когда мы были моложе) пойти на эту вечеринку... Часто работа или вечеринка оказывались «на высоте», но мы возвращались домой печальными. Как сказал Леопарди в стихотворении «Вечер праздничного дня»: «Сжималось сердце, так же, как теперь». Как часто все идет замечательно, у нас есть все, что

мы планируем, но нам этого недостаточно. Вы иногда переживаете такой опыт? Видите, что это совсем не субъективно? Буквально как ботинки: настолько объективно, что если я не нахожу соответствия, то чувствую себя не в своей тарелке.

Поэтому ключевое слово – «соответствие».

Во мне есть критерий для определения того, что соответствует потребностям моего сердца. Но мы часто останавливаемся на переживаемом (я испытываю тоску, мне хочется, чтобы что-то у меня было) и говорим: «Это то, что мне соответствует». Так в нашей среде оправдывается любое проявление инстинктивности. Но это насмешка, прежде всего над тобой! Не просто потому, что ты совершаешь нравственную ошибку: ты совершаешь нравственную ошибку, потому что это тебе не соответствует, даже если тебе начихать на нравственность! Потому что проблема не в том, что тебе чихать на нравственность, а в том, что ты станешь нигилистом!

Испытывать тоску или желание обладания – это еще не опыт, но переживание. И в этой точке пробуждаются вопросы: а счастье ли это? Совпадает ли это с моими потребностями, с этим критерием внутри меня? Как когда ты примеряешь обувь: совпадает ли это с потребностью моей ноги?

Наше смятение ясно видно из того, как мы используем слово «соответствие». Я увидел это, когда меня пригласили совершить бракосочетание, и в разговоре с женихом и невестой оказалось, что, в конечном счете, каждый думал, что другой сделает его счастливым.

И тогда я объяснил им, что не другой делает тебя счастливым, потому что твоя потребность в счастье, этот исходный опыт, который

ты находишь в себе, эта потребность в истине, красоте, справедливости больше всей вселенной; и испытать неполноту и ничтожность – самый важный в жизни вопрос.

Понимаете, почему отец Джуссани предлагал нам читать Леопарди? Чтобы понять, что такое этот исходный опыт, который так переживал Леопарди. Меня изумляет, что отец Джуссани в тринадцать лет не нашел другого попутчика кроме Леопарди. Что за опыт собственной человечности был у отца Джуссани, что он не нашел другого спутника на пути, кроме того, кто сказал такие слова: всего мало, все мелко для вместимости духа! Отец Джуссани всегда говорил нам это, но мы не понимаем! Всего мало, все мелко для вместимости духа: жены, работы, успеха, политики... Всего мало, все мелко для вместимости духа! Если мы этого не понимаем, то мы такие же, как все. Почему? Потому что путаем то, что нам нравится, с тем, что нам соответствует. И если мы не начинаем выносить суждение, то постоянно обманываем себя: не только потому что творим зло или не соблюдаем нормы нравственности. Ты обманываешься, потому что это никогда не будет тебе соответствовать, не будет соответствовать потребности в счастье, которую ты испытываешь. Мы должны решить, хотим ли мы принять всерьез желание счастья, исходный опыт, который мы обнаруживаем в себе, хотим ли мы принять всерьез нашу человечность! Или мы хотим делать, как делают все, то, что нам кажется и нравится? Потому что для этого нам не нужно приезжать сюда и, особенно, говорить потом, что мы делаем так, потому что «мне так сказал Каррон»! Ну-ну! О соответствии я сказал и могу сказать только то, что говорю сейчас. Не будем морочить друг другу голову.

Теперь понимаете, какая работа предстоит, если у нас есть этот минимум нежности к себе самим, привязанность к себе самим, если мы на самом деле любим себя, желаем себе счастья, желаем счастья для наших друзей, счастья для наших детей, счастья для мира. Если мы не приобретаем опыт, мы не можем понять разницу между тем, что у нас в голове (нашими представлениями), и Христом. Потому что, в конечном счете, если критерий – просто то, что мне кажется и нравится, Христос превращается всего лишь в мысль, которая мне кажется и нравится в большей или меньшей степени, а не является Тем, Кто делает возможным для меня соответствие, о котором говорил Джуссани; единственное истинное соответствие, невозможное для человека, если он не нашел Его. Поэтому нужно чествовать Христа, радоваться Христу.

Если этого нет, я хорошо понимаю, как часто мы остаемся в растерянности перед тем, что мы встретили. Или мы не пережили этого,

или сопротивляемся познанию того, что действительно нам соответствует, и оправдываем любое проявление нашей инстинктивности. Понятно?

Проспери. В свете сказанного лучше понятны следующие вопросы.

Второй вопрос: «Не хватает человечности — это выражение несколько раз повторялось в лекциях. Но что значит, напротив, иметь человечность? Иногда кажется, что у этого слова смутные очертания. Что помогает нам отличить человечность, о которой говоришь ты, от непрерывной череды представлений, которые у нас неизбежно возникают?».

Каррон. Путаница, как вы видите, касается именно критерия суждения, потому что он исходит не из того, что я переживаю, но проявляется перед тем, что я переживаю; проявляется во мне, если моя человечность вовлечена в то, что я переживаю. Для этого нужна человечность. Если я умаляю свою человечность только до того, что мне кажется и нравится, то путаница все время растет.

Благодаря соответствию, превышающему все представления, человек обретает критерий, чтобы судить, когда действительно есть человечность, а когда нет. Но сколько раз вы возвращались с праздника, или находили работу, или получали диплом, но испытывали острое чувство неполноты? Зачем мне говорить вам о том опыте, который вы сами испытываете? Разве он не для всех одинаков?

Вопрос в том, честны ли мы с приобретаемым опытом, с тем, что в нем проявляется, когда мы осознаем это. Поскольку, для того чтобы продолжать следовать за тем, что нам кажется и нравится, нам придется отрицать опыт не-соответствия. Не то, что у нас нет об этом сигнала, наоборот! Мы прекрасно осознаем разницу между представлениями и настоящим суждением о соответствии!

Нужно, чтобы мы помогали друг другу в этом, постоянно побуждали к этому друг друга, потому что без этого мы всегда будем в смятении, особенно учитывая общую ситуацию, о которой мы говорили вчера. Для этого нужно серьезно работать. Если мы не начнем приобретать опыт и не начнем быть честными по отношению к своему опыту, чтобы отличать то, что нам кажется и нравится, от того, что нам соответствует, мы будем путаться все больше. И это не останется без последствий: часто мы делаем то, что нам кажется и нравится, но остаемся недовольны, приобретаем желаемое, но остаемся недовольны. То есть нет соответствия сердцу. Как отличить одно от другого?

Честно относясь к опыту. Не то, что я должен теперь объяснять вам, что это такое; смотрите, смотрите на свой опыт. Я привел пример про гипс: я не должен объяснять, когда вам больно, а когда нет. Вы знаете, когда гипс вас беспокоит, или нет? Вы знаете, когда вы довольны, или нет? Знаете, когда действительно реализуете себя в жизни, или нет? Если, сталкиваясь со всем этим, мы не выносим суждения (не видим, что именно нам соответствует), то путаемся все больше.

Проспери. «Можно ли глубже рассмотреть понятие аскезы, понимаемой как работа ума и воли? Как эта работа поддерживает уверенность, что Христос спасает мою ситуацию? Как компания поддерживает личный труд аскезы?»

Каррон. Труд аскезы – вынесение суждения, – сказал нам отец Джуссани. Единственный способ начать приобретать опыт освобождения – вынести суждение. Если мы не выносим суждение, мы все больше запутываемся, все сильнее застреваем. Жизнь – это непрерывное суждение о происходящем. Мы должны решить, участвуем ли мы в приключении, которое предложил нам отец Джуссани, потому что иначе мы просто, не понимая, повторяем его слова, а потом нам это надоедает, потому что в жизни ничего не меняется, потому что как будто в жизни больше нельзя ничему научиться.

Труд аскезы – это постоянное сравнение того, что у меня в голове, моих представлений, того, что я думаю о жизни, того, что, по моим представлениям, делает меня счастливым, с тем, что действительно делает меня счастливым. Мне нужно снова объяснить вам это или вы признаете это сами? Начать труд аскезы – решение всей жизни. Для нас жизнь, принадлежность Движению – участие в этом приключении. Иначе с харизмой покончено, – понимаете? – несмотря на то, что нас здесь 26 тысяч, потому что мы не проходим тот человеческий путь, не приобретаем тот опыт, который передал нам отец Джуссани. И вот решающий вопрос, на который в конце Упражнений нужно дать ответ: мы расположены совершать это труд, участвовать в этом приключении познания (так, чтобы начать отличать белое от черного) или нет? Потому что это суждение дается нам труднее всего остального. А потом, поскольку мы не выносим суждение, просим у другого, чтобы он за нас решил наши проблемы.

Как компания поддерживает нас? Если бросает тебе вызов, вместо того чтобы все разьяснять. Как поступал Христос с учениками? Разве Он берег их от труда суждения? С самого первого мгновения:

«Пойдите и увидите, судите сами». Он ни минуты не потратил на разъяснения: «Пойдите и увидите, судите сами». Христос исходит из предположения, что они не настолько глупы, чтобы не понять, соответствует им то, что они видят, или нет. А когда все Его оставили (об этом мы читали много раз), Христос снова не щадит их: «Не хотите ли и вы отойти?». Оставшись один с учениками, Он не говорит им: «Пожалуйста, оставайтесь хотя бы вы, не оставляйте Меня одного!». Он рискует остаться в одиночестве, но не избавляет их от суждения: «Не хотите ли и вы отойти?». Но разве Своим вопросом Он подталкивает их уйти? Нет, Он помогает им проделать труд аскезы, потому что, если бы Христос не задал этот вопрос, ученики остались бы, но формально, не понимая причины. Что делает Христос, бросая им вызов? Вынуждает их осознать переживаемый ими опыт и извлечь из этого опыта причину, по которой они остаются: «Если мы уйдем от Тебя, куда нам идти?».

Это осознание проявилось благодаря Тому, Кто был им настоящим другом: Он не пустился в объяснения, а бросил им вызов, и они обрели осознание, обрели уверенность, которой до этого не имели. Мы такие же друзья или нет? Иначе мы насмехаемся друг над другом, потому что дружба – это постоянное побуждение к отношению с Тайной. Это самое захватывающее у отца Джуссани, потому что он единственный, кто всерьез принимает все факторы того, что дано нам Тайной (сердце, чтобы выносить суждение обо всем). Он ставит нас в наилучшую позицию перед тем вызовом, который Христос бросил Своим ученикам: «Хотите вы уйти или нет? Должен ли Я объяснять вам, Кем Я являюсь для вас? Что вы приобрели в опыте? Что вы узнали?». Таким образом прояснилась причина, из-за которой ученики остались. Мы не останемся христианами, наша вера будет просрочена, уверяю вас, если мы не станем совершать этот труд, потому что мы не будем знать, почему мы остаемся здесь, а когда наше настроение изменится, мы решим, что нам лучше в другом месте. Без труда аскезы мы не поймем конечной причины, из-за которой мы находимся здесь.

Проспери. «Ты сказал, что это не Христа не хватает – не хватает человечности. Кажется, что человечность – это предварительное условие, чтобы признать Христа как ответ на потребности сердца. Но если посмотреть на мой опыт, то я вижу, что моя человечность расцвела во встрече с Христом и что до этого она была намного более заколоченной и неспособной распознать свои исходные потребности. Мог бы ты объяснить отношение Христа и человечности?»

Каррон. Чтобы признать Христа, чтобы признать отличие Христа, нужна человечность⁸⁵. А человечность есть у всех нас. Никто из нас не может сказать, что у него нет человечности – это означало бы, что он не человек. То есть хватит говорить, что у нас ее нет! Человечность есть у всех. Мы можем пользоваться ею или не пользоваться, это другой вопрос, и поэтому можем найти Того, Кто нам соответствует. Если каждый из нас подумает, почему он здесь, то поймет: потому что он каким-то образом уловил, что во встрече с определенными людьми для него есть надежда; что жизнь может стать более значимой, более красивой, что ее можно проживать более человеческим образом. Это условие существует, потому что Бог, Который решил сделать нас сопричастными Своему счастью, послав нам Сына, создал нас с этим сердцем, чтобы мы смогли узнать Его, когда встретим. Все было в замысле Бога: Он сотворил нас для Себя, для той полноты, которую может дать нам только Он. Так говорится на первой странице Библии: Он сотворил нас по образу Своему, то есть сотворил нас для Себя. В Эдеме уже была вся структура «я»: Он создал нас, чтобы мы жили с Ним, чтобы нашли счастье в отношении с Ним. В соответствии со всей христианской традицией наше «я» есть это желание красоты, полноты, которое находит свое завершение в Единственном, Кто ему соответствует. Поэтому, пока мы не найдем Его, наше сердце не найдет покоя. В таком случае, да, – говорит отец Джуссани и экономит нам много рассуждений, – это необходимо, для того чтобы признать Христа, так как это сравнение человеком своей потребности в красоте с тем, что он встречает.

Во второй части вопроса верно говорится, что от встречи со Христом наша человечность расцветает. Моя человечность расцветает, потому что встреча позволяет мне осознать, чего я желаю, она пробуждает меня. Поэтому многие потом злятся на Движение: «Оно пробудило мою человечность, но не завершает ее». Но оно ее пробудило! Если Движение ее пробудило, мы в большей степени стали самими собой, стали более человеческими, более способными уловить соответ-

⁸⁵ Л. Джуссани, «У истоков христианского притязания»: «При рассмотрении гипотезы откровения, христианского откровения, нет ничего важнее вопроса о реальном положении человека. Было бы невозможно полностью осознать, что хочет сказать Христос, не отдав себе отчет в природе той динамики, которая делает человека человеком. Христос, в самом деле, заявляет о Себе как об ответе на вопрос, что есть «я», и только глубокое и в то же время нежное и любящее осознание себя самого может раскрыть и расположить меня признать, восхититься, возблагодарить, жить Христом. Без этого осознания имя, пусть даже это имя Иисуса Христа, останется просто именем».

стве. Поэтому чем больше человек переживает христианский опыт, чем больше он живет этим отношением с Христом, тем больше проявляется вся широта желания. Это не устраняет желание, но поскольку Он – Тот, кто больше всего меня привлекает, дает мне наибольшее удовлетворение, дает мне наибольшее счастье, то сильнее проявляется и мое желание. Поэтому мне удивительно, как после этого мы говорим, что нам соответствует все что угодно. Расцвет «я», как видите, есть условие, для того чтобы признавать Христа. Поэтому мне нужно находить Его каждое утро. Чем стал бы день (после того, как я Его встретил), если я не смог бы помнить о Нем, чем стало бы утро, если я не смог бы сказать «Ты» Христу? Как для влюбленного: чем стало бы утро без любимого человека? Как если бы ребенок не мог найти лицо мамы: чем являлась бы жизнь?

Итак, память о Христе – это не еще одно неподъемное требование («Ох, надо еще и помнить!»). Я хочу спросить тебя: а как ты можешь жить без памяти? Как ты можешь смотреть на самого себя, испытывать привязанность к себе, не помня о Христе после того, как ты Его встретил и увидел, что Он единственный дает жизни удовлетворение, единственный, Кто действительно соответствует твоему желанию счастья, компании? Как ты можешь?! Как ты можешь жить без молчания? Потому что для нас молчание рождается из События, человек не находит слов, когда видит осуществление этого соответствия: кто же Ты, Христе, что так наполняешь мою жизнь? Все наполняется молчанием, Твое Присутствие наполняет меня молчанием. Человек не находит слов, как тогда, когда встречает опыт красоты, полноты, бескорыстности, который настолько его поражает, что он не находит слов. Это – молчание. Христианское молчание рождается из этого Присутствия, из полноты Присутствия: я не нахожу слов кроме молчания, чтобы не потерять Его. Если мы не испытываем потребности в молчании, то дело не в том, что нам еще далеко до примерных членов Движения, но в том, что не произошло, не происходит ничего, что наполнило бы нас молчанием. Это не список предписаний – это рождается как выражение События, наполняющего жизнь молчанием.

Проспери. Ты сказал, что форма ответа на наше желание – сам Христос. «Когда человеку плохо на работе, и он хочет работу получше, или желает встретить женщину, с которой мог бы создать семью, или два супруга желают, чтобы у них был ребенок, то что значит, что форма ответа на наше желание – сам Христос? Христос есть суть моей жизни, но что значит, что Он есть форма моего желания?»

Каррон. Что на самом деле я желаю Его! Мы принимаем наши частные желания за конечное желание сердца, так что потом мы получаем работу, но нам ее недостаточно, мы находим жену, но этого недостаточно, у нас рождаются дети, но нам этого недостаточно. Почему этого недостаточно? Потому что то, чего мы желаем, как говорит Леопарди, есть нечто более великое. В этом наше величие, и мы всегда пытаемся умалить его, потому что наше величие есть величие нашего желания. Истинное величие человека, истинная тайна человека, истинный парадокс человека в том, что, будучи ограниченным, он желает бесконечного. А мы этого-то и не понимаем, друзья. Если мы не понимаем, что наше желание есть желание бесконечного, скажите мне, зачем нам быть христианами, зачем нам терять здесь время? Если мы не пережили на опыте, что Тайна создала нас, чтобы наполнить нас счастьем, превышающим все наши предположения, почему тогда стоит быть христианами?

Хотя наши частные желания совершенно законны, Христос – единственный, кто действительно может исполнить структурное желание бесконечного. Поэтому форма ответа на наше желание есть Христос. Если это не так, то что для нас значит встреча с Ним? Мы не понимали бы важность встречи со Христом, и поэтому нам не была бы ясна разумность согласия в вере. Поэтому я говорю о сроке годности, когда человек не понимает, в чем истинная проблема, которой нас всегда учил отец Джуссани, цитируя Павезе: в удовольствиях мы ищем бесконечного, и никто никогда не сможет прекратить поиск этой бесконечности. Это наш опыт: мы можем получить все, что хочется, но нам этого недостаточно, и мы все больше осознаем, что этого недостаточно. Почему мы можем сказать, что нам этого недостаточно? Потому что до такой степени объективен критерий, который мы находим в себе и который ясно показывает, что то, чего мы желаем, больше того, что нам удастся заполучить. Вот такой парадокс: наше сердце есть желание, но мы ограничены, и все, что мы делаем, – мелкое, ограниченное, – неспособно удовлетворить это желание бесконечного. И поэтому или существует Христос (Тот, Кто приходит извне и наполняет сердце), или можно начинать плакать, так как того, чего мы хотим, нет. Вот почему радоваться Христу может лишь тот, кто понимает бесконечную природу желания. Только такой человек, как Леопарди, или святой Августин, или самарянка.

Пока мы не осознаем этого, мы не сможем понять, какую благодать мы получили, встретив Христа; не изумимся тому, что Некто сжалился над нашим ничтожеством и даровал нам совершенно неожиданную

благодать, которую не заслужил никто из нас и которую многие люди искали наощупь. Мы получили благодать, но часто кажется, что как будто и не получили ничего, потому что живем в смятении, думая, что все что угодно может ответить нашей природе, глубине, масштабу нашего желания. Когда я говорю, что в жизни недостает желания, говорю, что мы не понимаем, какова природа нашего желания. Нам недостает Тайны.

Это позволяет осознать, что или мы совершаем труд аскезы, или, прежде всего, мы не сможем быть довольны (даже если сумеем заполучить то, что получают другие) и, в первую очередь, не поймем на самом деле, и нам не доставит радости факт существования Христа. И встреча с отцом Джуссани.

Проспери. «Мы хотели бы лучше понять переход, что мы следуем не за человеком, а за опытом человека, и как это не превращается в последнее алиби, для того чтобы все-таки применить свою меру. Например, если ты следуешь за человеком, который предаст или разочаровывает тебя, часто возникает возражение опыту.»

Каррон. Нужно сравнивать с тем, что переживает человек. Отец Джуссани передал нам тот опыт, который приобрел он сам, и этот опыт верен, даже если завтра я стану предателем. Это верно и всегда будет верно, потому что решение о соответствии основывается не на том, что так говорю я или отец Джуссани, а на том, что каждый из нас переживает на собственном опыте, когда выносит о нем суждение. Поэтому человек следует за опытом другого, а другой передает тебе опыт, как может, ощупью. За человеком следуют не из-за почтения к его персоне, не потому, что так сказал самый главный. Это не по-человечески, не по-человечески! Но если он передает тебе переживаемый им опыт, а ты заинтересован научиться, то следовать за ним – значит следовать за опытом, который он переживает, так, чтобы ты смог его усвоить. Он останется твоим, даже если этот человек предаст его. Я не хочу, чтобы мы повторяли слова отца Джуссани (или мои слова), но чтобы мы усвоили этот опыт, чтобы он стал нашим, потому что когда мы чего-то желаем, то желаем, чтобы это стало нашим, как мы хотели усвоить объяснения учителя математики. Разве вы этого не хотите? Как говорит отец Джуссани, объясняя, что такое послушание: следовать, пока, начиная с определенного момента, человек не начнет следовать за самим собой, полным изумления перед опытом, который переживает другой человек; потому что человек становится настолько единым с самим собой, что,

в конце концов, следует за самим собой, полным изумления перед опытом другого человека. Если мы не делаем так, то мы просто повторяем слова отца Джуссани, но не переживаем тот же опыт, что и он.

Поэтому мы следуем за опытом другого человека. Но это не значит, что мы останавливаемся на наших мерках. Если человек останавливается на собственных мерках, то лишь потому, что сам этого хочет, идя вопреки тому, что ясно проявляется в переживаемом им опыте. Если потом он пытается оправдать это своими возражениями ошибкам других, это его проблемы.

Проспери. «Если христианство есть Событие, то какой смысл стараться защищать христианские ценности?»

Каррон. Это третий пункт второй лекции, и я хотел бы подробнее остановиться на этом вопросе, вопросе культуры, чтобы глубже его рассмотреть. Мне кажется, что сейчас, после пути, который был проделан за этот год, мы можем лучше понять, что здесь задействовано.

Посмотрим, например, на опыт, который мы приобрели в связи с делом Элуаны. Как мы часто поступали? Мы делали нечто в высшей степени справедливое, с определенной точки зрения, – защищали ценность жизни. Но я совершенно искренне спрашиваю вас: если бы каждый из нас оказался в такой ситуации, было бы для него достаточным просто защищать жизнь? Могли бы мы иметь дело с такой ситуацией, просто защищая ценность жизни? Ответьте мне!

Давайте посмотрим, друзья, как поступил с нами отец Джуссани, чтобы защитить жизнь? Он утверждал важность жизни, важность человека и личности. Но чтобы дать нам понять это, он, кратко говоря, передал нам кипение жизни. Христос, чтобы объяснить нам, что такое жизнь, что такое ценность человека, стал плотью, стал человеком! Основания и ценности стали плотью и кровью, – настойчиво повторяет Папа. Но мы часто меняем метод, не сознавая, что поняли эти основания и ценности благодаря встрече со Христом в Движении, благодаря встрече, которая наполнила нашу жизнь смыслом. Чтобы мы смогли понять, Тайна использовала в отношении нас определенный метод (и мы пережили это на опыте во встрече), но в отношении других мы хотим применить иной метод. То есть мы не поняли познавательного значения встречи, не поняли, что эта любовь к жизни была дана нам в произошедшей с нами встрече!

Романо Гуардини очень хорошо сказал об этом в книге «Конец современной эпохи»: «С самого начала современной эпохи выраба-

тывается нехристианская культура. Долгое время отрицание касалось самого содержания Откровения, а не этических, персональных или общественных ценностей, сформировавшихся под его влиянием [долгое время люди защищали христианские ценности, хотя не были христианами]. Более того, современная культура притязала быть основанной именно на этих ценностях». Деятели Просвещения не стремились упразднить христианские ценности, они понимали, что эти ценности были следствием величайшего события в истории, но они не хотели следовать за Церковью, не хотели продолжать признавать, что Христос имеет для жизни решающее значение. Поэтому они защищали плоды, которые принес Христос, отсекая их от источника; они решили создать христианство без Христа, защищая христианские ценности, но обходя стороной источник, исток, начало этих ценностей. «На самом деле эти ценности [...] связаны с Откровением», и мы это прекрасно понимаем, потому что если бы мы не встретили Движение, мы думали бы, как все. Что мы сказали бы о деле Элуаны, если бы не встретили Движение? Скажите мне. Как и все! «Итак, в человеке пробуждаются силы, которые сами по себе являются «естественными» [мы можем прийти к признанию этих ценностей практически естественным образом], но они не смогли бы развиваться вне христианства. Человек осознает ценности, которые сами по себе очевидны, но которые становятся видимыми только в этой атмосфере». Если мы не понимаем, что они очевидны сами по себе, но понять их мы можем только внутри атмосферы христианской встречи, то мы пытаемся подвергать других жестоким нападкам, вооружившись этими ценностями, думая, что так они поймут. А потом жалуемся, что они ничего не понимают. И мы бы тоже этого не поняли! Христос стал плотью не по ошибке! Нет, Он стал плотью, потому что без этого мы не поняли бы. Дело не в том, что ценности не истинны, а в том, что путь к тому, чтобы принять их, понять их, увидеть человечность этих ценностей, мы нашли, только признав Христа. Говоря о том, что происходило несколько десятилетий назад (а представьте, если бы он жил сейчас...), Гуардини отмечает, что «обнаружилась пустота, которая существовала уже долгое время. [...] Грядущее создаст ужасную, но оздоравливающую четкость. Никакой христианин не может радоваться началу радикального отрицания христианства [...]. Но хорошо то, что обнажится нечестность [созданная современной культурой: желание защищать ценности без Христа; а теперь уже и ценности забыты, как мы видим]. Потому что, какой на самом деле является реальность, станет видно тогда, когда человек отстранится от Откровения и его

плоды начнут иссякать»⁸⁶. Сейчас мы чувствуем на себе, что плоды иссякают. То, что никто не мог представить: что можно прийти до отрицания жизни и самого очевидного, – перед нами (для нас это все еще очевидно, поскольку мы используем разум в соответствии с воспитанием, полученным внутри Церкви). Двусмысленность сойдет на нет, и это приведет к очищению и углублению веры. Мы должны осознать это, потому что все больше будем открывать, что у нас нет отчизны, что нас не понимают. Каким же образом можно сопротивляться опасности? Гуардини указывает нам два условия: зрелость суждения и свобода выбора. Без этого через некоторое время мы станем, как все остальные.

Отец Джуссани прекрасно осознал эту ситуацию, когда создал Движение; потому что он осознал, что в 1954 году, когда казалось, что все переживает расцвет, этот процесс уже начался, и он создал место, где мы могли бы снова открыть ценности через открытие веры. Мы не должны абстрактно защищать ценности, но должны составлять Движение, потому что так поступил в отношении нас отец Джуссани: это и называется свидетельством.

Если мы не поступаем так, то мы нечестны по отношению к тому, как Тайна привлекает нас к Себе. Поэтому возникает двусмысленность в культуре, в нашем культурном выражении. Но отец Джуссани говорил о культуре, что «воспитательная линия Движения стремится пробудить событие жизни». Мы можем передавать ценности только внутри этого события жизни. Не то, что нам не нужно защищать ценности, но мы должны понять, что только событие жизни может помочь нам пробудить их в себе и в других. «Чтобы жизнь пробудилась, нужно уничтожить всякую двусмысленность. [...] Двусмысленность уничтожается суждением, что причина, ради которой стоит жить, – это любовь ко Христу [понимаете? вот наше культурное выражение]. При недостатке веры как соразмерно единой ценности частные суждения о ценности будут неполными, а это разделяет. [...] Если же двусмысленность будет уничтожена, то это станет началом настоящего культурного присутствия [видимого отличия внутри общества]»⁸⁷.

Мы должны понять этот важный момент. В таком случае, как сказал нам кардинал Скола в газете «Avvenire»⁸⁸, путь заключается в том,

⁸⁶ R. Guardini, *La fine dell'epoca moderna*, Morcelliana, Brescia 1993, pp. 98-101.

⁸⁷ L. Giussani, «Comunità cristiana e cultura», in *CL-Litterae Communionis*, n. 6, giugno 1977, p. 9.

⁸⁸ Cfr. A. Scola, «Altro che egemonia mondiale. Offerta di una speranza da "investire" quaggiù», in *Avvenire*, 20 febbraio 2009, p. 2.

чтобы предлагать христианское событие во всей его целостности и неумаленности, проясняя также его аспекты, следствия и ценности.

Поэтому нас очень волнует ситуация с европейскими выборами, поскольку дело именно в этом, учитывая, что главной мишенью многих законов, принимаемых сейчас на европейском уровне, является Церковь. Поэтому причина нашего интереса к выборам – защитить в Европе *libertas Ecclesiae*, свободу Церкви. Не потому что мы думаем, что справедливый закон сам по себе решит проблему человека; мы видели, что все начиналось со справедливых законов о семье, жизни, но это не остановило разруху, которая теперь у нас перед глазами. Было бы лучше иметь возможность писать законы, но чтобы иметь возможность продолжать жизненный опыт, который позволит нам восстановить очевидность утраченных ценностей, мы должны защищать *libertas Ecclesiae*. И поэтому и в Европе нам нужны свидетели, которые могли бы показать это другим. То, чем мы рискуем, не есть что-то вторичное. Мы рискуем возможностью жить, если государственный строй задушит тот опыт, который мы переживаем. И мы должны защищать его любой ценой.

СВЯТАЯ МЕССА

ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ПИНО

В эти дни, в этот час мы переживаем то же опыт, который описан в этом отрывке Евангелия от Луки. Кто приводит нас к истине, к полноте реальности? То, что сейчас мы имеем перед глазами, что мы слышали в эти дни – это событие Его присутствия, физического, реального, конкретного, плотского.

Господь в Своей нежности не пугается нашего неверия, не пугается недостатка человечности, из-за которого мы считаем Его призраком даже тогда, когда видим Его перед своими глазами, не пугается того, что мы закрываемся в своей инстинктивности, смятении, страхе.

Сила Христа присутствующего, физически присутствующего сегодня, позволяет нам пройти весь путь познания: «Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои, посмотрите на факты, посмотрите на знаки. Дайте мне пищу» (ср. Лк. 24, 39). Вся история, все пророчество обретает плоть, вещество, реальность, которую можно осязать, видеть, за которой можно следовать, в Его присутствии.

Без благодати этой истории, без иной человечности, которая произошла и происходит перед нашими глазами, Христос остался бы для нас призраком, а последним словом стала бы неуверенность относительно реальности и страх перед будущим. Великая работа – эта простота, которая позволяет силе Его присутствия, этой нежности, перед которой ничто не может устоять, захватить себя.

Нас настигла, нас настигает та же реальность, которая затронула и тех одиннадцать человек, не «так», как это произошло в том доме две тысячи лет назад, но «то», что произошло, происходит сейчас и с нами: это факт. Христос говорит нам то же, что сказал одиннадцати. Вот вся истина, смысл и ответственность нашей жизни: «вы же свидетели сему» (Лк. 24, 48).

ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ

По случаю Духовных Упражнений Братства *Comunione e Liberazione* на тему «Вера определяет метод» Святейший Отец направляет многочисленным участникам сердечное и доброе приветствие, уверяя в своей духовной близости, и, высказывая пожелания, чтобы эта встреча породила обновленную верность Христу навсегда и вовлечение в дело евангелизации с более полной отдачей, призывает обильное излияние небесных благ и от всего сердца посылает Вам, ответственным Братства и всем собравшимся особое апостольское благословение.

Е.В.П. кардинал Тарчизио Бертоне
Государственный секретарь Святого Престола

Дорогие друзья,
обновление прекрасного жеста Духовных упражнений сильнее скрепляет канву насыщенной общности, связывающей нас.

Слова «Вера как метод» отсылают к воодушевляющему утверждению Христа: «Я есмь путь и истина и жизнь». Августин точно перефразировал эти слова, сказав, что Христос есть путь к истине и жизни.

Дорогой отец Джуссани настойчиво научил нас, как важно идти в единстве по этому пути (методу). Его постоянное внимание к методу, без сомнения, составляет основу плодотворной харизмы, дарованной ему Духом.

Ответственность за то, чтобы вера стала методом жизни, лежит на каждом из нас и на всех общинах *Comunione e Liberazione*.

Молюсь за вас, чтобы и в этом году силой Духа вы получили дар обращения. Так, чтобы быть живой жертвой за всех наших братьев через осознанную принадлежность Матери Церкви.

Приветствую и благословляю вас в Господе.

Е.В.П. кардинал Анджело Скола
Патриарх Венеции

Дорогой отец Хулиан,
хочу поприветствовать всех друзей из Братства *Comunione e Liberazione*, собравшихся на Духовных упражнениях в Римини. Эти дни – благодать не только для движения, но для всей Церкви и всего мира. Мы, те, кто живет внутри миссии Церкви, хорошо это понимаем.

На встрече священников Братства Латинской Америки Клеуза благодарила нас за наше «да» в течение всех этих лет, потому что благодаря этому стало возможно ее «да» и встреча, изменившая ее жизнь. С другой стороны, ее «да» помогает нам истинно жить харизмой отца Джуссани и следовать сейчас по пути, который указываешь нам ты, Хулиан.

Пусть эти Духовные упражнения станут временем возрастания во встрече, которая дает удовлетворение нашей жизни и пробуждает желание передать всем красоту того, что произошло с нами.

Сердечно обнимаю,

Е.П. монсеньор Филиппо Санторо
Епископ Петрополиса

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ

*Его Святейшеству
Бенедикту XVI*

Ваше Святейшество, более 26 000 членов Братства *Comunione e Liberazione*, собравшиеся в Римини, а также те, кто присоединился к ним через спутниковую связь в 63 странах мира, совершили ежегодные Духовные упражнения, название которых было взято из учительства отца Джуссани: «Вера определяет метод». Мы углубились в осознании, что в сегодняшней ситуации кризиса на всех уровнях мы нуждаемся в том, чтобы встретить иную человечность, в которой событие воскресшего Христа становится нам современным как ответ на просьбу нашего сердца, потому что это и есть метод веры, как Вы сами недавно чудесно сказали: «В тайне воплощения Слова, в том факте, что Бог стал человеком, как и мы, заключается как содержание, так и метод христианской вести».

Убежденные, что только верность этому методу, избранному Богом, может позволить нам свидетельствовать всем о новизне христианства перед лицом кризиса, порожденного разрывом между разумом и верой, доверяем Богородице Ваши ближайшие апостольские поездки в Абруццо и на Ближний Восток, желая все больше активно сотрудничать в Вашей страсти к человеку и Христу, который бросает вызов миру как милосердие, спасающее нас от смятения.

о. Хулиан Каррон

*Е.В.П. кардиналу Тарчизио Бертоне,
осударственному секретарю Святого Престола*

Ваше Высокопреосвященство, более 26 000 членов Братства *Comunione e Liberazione*, а также те, кто присоединился к ним через спутниковую связь в 63 странах мира, совершили ежегодные Духовные упражнения на тему «Вера определяет метод».

Телеграмма, посланная от имени Святого Отца нашла членов Братства в большей степени уверенными и радостными, что они могут служить Петру, свидетельствуя нашим братьям новую человечность, рождающуюся из веры.

Пусть Мария указывает путь Вашего служения церкви как страсть показать всем значение Христа в человеческой истории.

о. Хулиан Каррон

*Е.В.П. кардиналу Анджело Баньяско
Президенту КЕИ*

Ваше Высокопреосвященство, более 26 000 членов Братства *Comunione e Liberazione*, а также те, кто присоединился к ним через спутниковую связь в 63 странах мира, совершили ежегодные Духовные упражнения на тему «Вера определяет метод». Сейчас, еще в большей степени уверенные, что Христос одержал победу и пребывает среди нас, они отдают свои силы, чтобы Церковь была жива в Италии как новая человечность, исполняющая потребности, составляющие основу сердца человека.

Пусть Богородица поддержит Вашу жертву за жизнь христианского народа в нашей стране.

о. Хулиан Каррон

*Е. П. монсеньору Йозефу Клеменсу,
Секретарю Папского совета по делам мирян*

Ваше Преосвященство, более 26 000 членов Братства *Comunione e Liberazione*, а также те, кто присоединился к ним через спутниковую связь в 63 странах мира, совершили ежегодные Духовные упражнения на тему «Вера определяет метод». Надежной точкой сравнения размышлений стало учительство Бенедикта XVI, который продолжает свидетельствовать, что в Христе метод и содержание христианской вести совпадают.

Как *christifideles laici* мы следуем за Святым Отцом, который призывает нас показать всему миру значение веры в жизни крещеных.

о. Хулиан Каррон

*Е.В.П. кардиналу Анджело Сколе
Патриарху Венеции*

Ваше Высокопреосвященство, Ваше письмо нашло нас в большей степени осознающими, что Отец милосердно призрел на нашу хрупкость, что через харизму Он все больше настигает нас, чтобы потребности, составляющие основу нашего сердца, нашли тот ответ, следуя за которым все, и мы в первую очередь, смогли бы увидеть масштаб веры как познания, особенно в такое время, как сегодня, когда реальность становится все большим вызовом надежде людей.

Пусть через заступничество Марии Вы сподобитесь получить то, чего желает Ваше сердце.

о. Хулиан Каррон

*Е.П. монсеньору Филиппо Санторо
Епископу Петрополиса*

Ваше Преосвященство, мы тоже продолжаем следовать тому, что Господь совершает на наших глазах с Клеузой и Маркусом, чувствуя вызов их свидетельства познавать с такой же верой, как у них. Мы тоже молимся о том, чтобы оставаться верными тому методу, который Господь избрал для нас, дав нам встретить отца Джуссани.

о. Хулиан Каррон

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ

Составитель – Сандро Кьеричи

(Руководство к прочтению изображений, заимствованных из Истории искусства, демонстрация которых сопровождает воспроизведение отрывков классической музыки при входе и выходе)

В первой части последовательности изображений, которая начинается с Сотворения мира, представлены некоторые личности Ветхого завета, переживающие веру как послушание тем знакам, которые являет Бог: Ной, Авраам, Исаак, Иаков и, наконец, Иосиф.

Начиная с воплощения Христа, вера становится свидетельством о конкретном опыте, о встрече, освобождении от зла, прощении, милосердии, победе над смертью, славе. Этот опыт рождает привязанность человека ко Христу, на которую Христос отвечает еще большей привязанностью. Павел – это новый человек, захваченный Христом и через крещение ставший новым творением. В объятии с Петром он придает Церкви полную форму и делает возможным осуществление встречи со Христом сегодня для каждого из нас.

Все изображения взяты из мозаичных циклов базилики Монреалья.

- 01 – Сотворение неба и земли
- 02 – Сотворение света и тьмы
- 03 – Сотворение вод
- 04 – Отделение тверди от вод
- 05 – Сотворение светил
- 06 – Сотворение животных
- 07 – Сотворение Адама
- 08 – Введение Адама в Эдем
- 09 – Сотворение Евы
- 10 – Представление Евы Адаму
- 11 – Бог велит Ною построить ковчег
- 12 – Строительство ковчег
- 13 – Вход животных в ковчег
- 14 – Всемирный потоп
- 15 – Выход животных из ковчега

- 16 – Завет Бога с Ноем
- 17 – Три Ангела посещают Авраама
- 18 – Авраам принимает трех Путников
- 19 – Бог велит Аврааму принести в жертву Исаака
- 20 – Принесение Исаака в жертву
- 21 – Встреча Исаака и Ревеки и колодца
- 22 – Путешествие Исаака и Ревеки
- 23 – Исаак благословляет Иакова
- 24 – Сон Иакова
- 25 – Борьба Иакова с Ангелом
- 26 – Благовещение
- 27 – Посещение св. Елизаветы
- 28 – Рождество
- 29 – Поклонение волхвов
- 30 – Сон Иосифа
- 31 – Бегство в Египет
- 32 – Сретение
- 33 – Иисус среди учителей закона
- 34 – Крещение Господне
- 35 – Исцеление прокаженного
- 36 – Исцеление сухорукого
- 37 – Исцеление женщины, страдавшей кровотечением
- 38 – Исцеление тещи Петра
- 39 – Исцеление согбенной женщины
- 40 – Исцеление больного водянкой
- 41 – Исцеление десяти прокаженных
- 42 – Исцеление двух слепых
- 43 – Исцеление расслабленного в Капернауме
- 44 – Исцеление хромых и слепых
- 45 – Исцеление расслабленного при Овчей купели
- 46 – Христос и самарянка
- 47 – Умножение хлебов и рыб
- 48 – Воскрешение сына наинской вдовы
- 49 – Воскрешение дочери Иаира
- 50 – Воскрешение Лазаря
- 51 – Преображение
- 52 – Магдалина умывает ноги Христа
- 53 – Тайная Вечеря
- 54 – Христос перед Пилатом
- 55 – Распятие

- 56 – Сошествие в ад
- 57 – Женщины у гроба
- 58 – *Noli me tangere*
- 59 – Встреча с учениками по дороге в Эммаус
- 60 – Ужин в Эммаусе
- 61 – “Не горело ли в нас сердце наше?”
- 62 – Неверие Фомы
- 63 – Пятидесятница
- 64 – Обращение Павла
- 65 – Крещение Павла
- 66 – Павел бежит из Дамаска
- 67 – Передача посланий Тимофею и Титу
- 68 – Встреча Петра и Павла

Содержание

ПОСЛАНИЕ ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВА БЕНЕДИКТА XVI 3

Пятница 24 апреля, вечер

ВВЕДЕНИЕ 4

СВЯТАЯ МЕССА - ПРОПОВЕДЬ ОТЦА МИКЕЛЕ БЕРКИ 12

Суббота 25 апреля, утро

ПЕРВОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ - ***«И мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живаго» (Ин 6, 69)*** 13

СВЯТАЯ МЕССА - ПРОПОВЕДЬ Е.В.П. КАДРИНАЛА СТАНИСЛАВА РЫЛКО 30

Суббота 25 апреля, день

ВТОРОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ - ***Современность Христа*** 36

Воскресенье 26 апреля, утро

АССАМБЛЕЯ 51

СВЯТАЯ МЕССА - ПРОПОВЕДЬ ОТЦА ПИНО 69

ПОЛУЧЕННЫЕ СООБЩЕНИЯ 70

ОТПРАВЛЕННЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ 72

ИСКУССТВО В НАШЕЙ КОМПАНИИ 75

